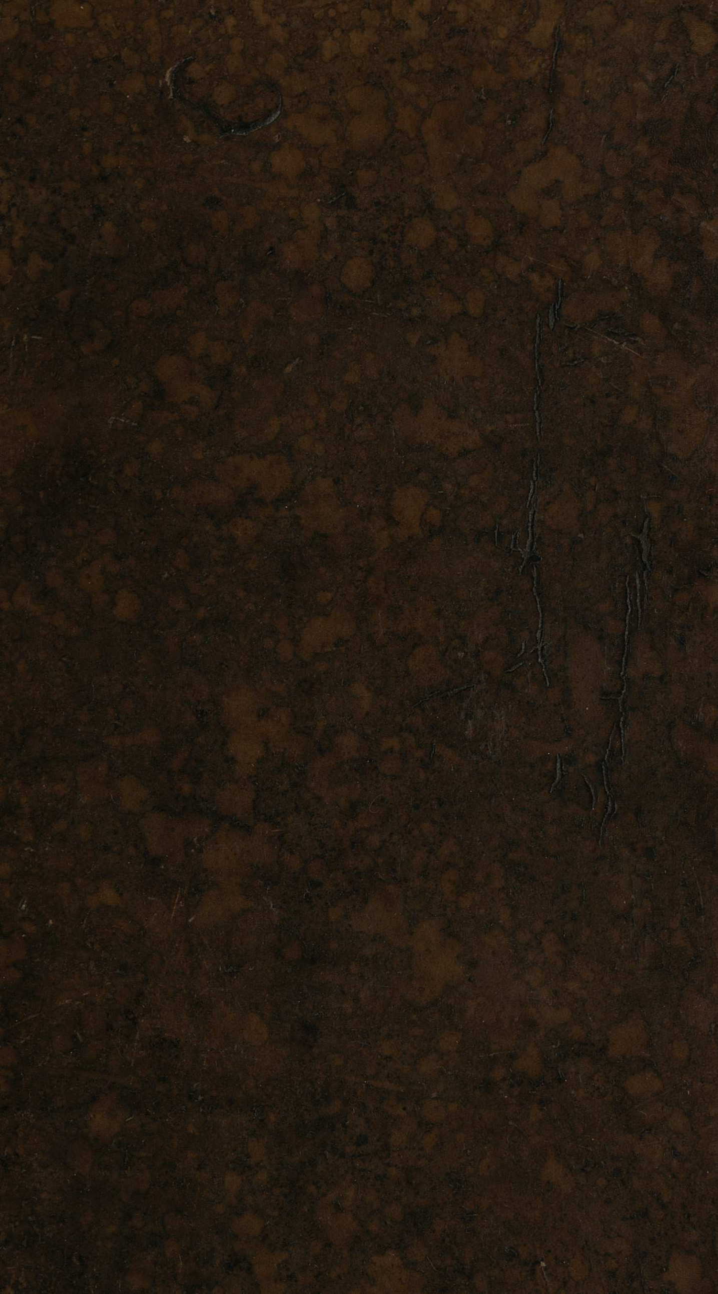

Не хватает посв
ние (2 стр)

БИЛЬБИЛИСТОНЪ

ИЛИ

ДОЛИНА СОЛОВЬЕВЪ.

ВОСТОЧНЫЯ

Нравоучительныя повѣсти.

ПЕРЕВОДЪ

съ

Нѣмецкаго

Ст: Д: Т:

ВЪ МОСКВѢ 1793 года.

С позволенія опредѣленныхЪ
Г: ЦенсоровЪ.

ЕГО БЛАГОРОДІЮ,

Господину Титулярному Совѣтнику, Московскому Уѣздному Казначею,

ВАСИЛЬЮ ПРОХОРОВИЧУ ПАВЛОВУ

Усерднѣйшее приношеніе.

ВАШЕ БЛАГОРОДІЕ,

Милостивый Государь!

Чувствованіе Вашихъ благодѣяній, оказанныхъ и оказываемыхъ мнѣ безъ всякихъ моихъ заслугъ, побудило меня пожертвовать Вашей благодѣтельной душѣ симъ плодомъ моихъ упражненій.

Удостойте, Милостивый Государь, сію нелестную жертву Вашего благосклоннаго принятія.

Вашего Благородія

Покорнѣйшій слуга.

Д. Те.

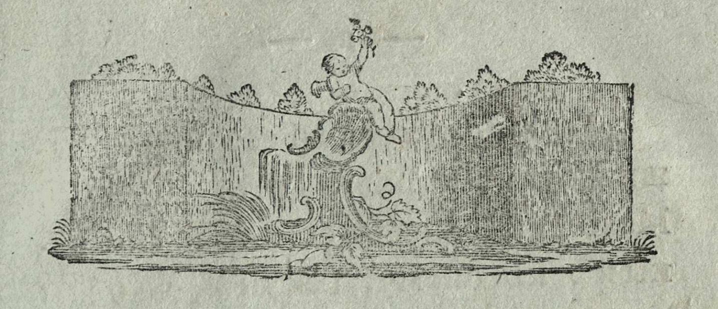
ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сочинитель сихъ Турецкихъ исторій недавно скончался. Онъ назывался Ахметомъ, и жилъ долгое время въ Германіи и Италіи. Турецкое названіе книги есть *Бильбилистонъ* или *Долина соловьевъ*; оно кажется взято отъ Зеикъ Зади Персидской Долины розъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢ-

* * *

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

Письмо Ахмеда сына Солиманова къ молодому Гали Ибрагимову сыну.

Ахмедъ сынъ Солимановъ желаетъ молодому Гали Ибрагимову сыну, чтобъ онъ почиталъ себя самаго всегда щастливымъ. Ибо сіе есть величайшее благополучіе, которымъ смертные могутъ наслаждаться; и никто не можетъ почитать себя щастливымъ, кто не имѣетъ доброй совѣсти.

Гали! Дружество соединило наши сердца крѣпчайшимъ союзомъ. Мало находится сердецъ способныхъ къ оному. Радуйся, что ты способенъ быть другомъ. Теперишніе мои дни подобны зимнимъ днямъ; они темны и скоро утратятся въ вѣчной ночи. Будучи живъ, малую только я могу тебѣ принесть пользу; но по смерти мое воспоминаніе будетъ для тебя пріятно и полезно. Долгое время былъ я рабомъ невѣрнаго Христіанина. Но да будетъ благословенно оное рабство. Оно сердце мое, которое можетъ быть въ щастіи развратилось, содѣлало добродѣтельнымъ. Естьли тебя, Гали, научаетъ щастіе забывать добродѣтель: то почитай себя нещастливымъ на свѣтѣ.—Таково желаніе друга твоего.

Пріими сіе письмо за подарокъ моего дружества. Ты еще не былъ совершенно нещастливъ въ разсужденіи познанія свѣта. Думай, что мнѣ желательно о всемъ писать тебѣ истинну. Но не думай, что я во всемъ нашелъ ее. Я человѣкъ, и такъ склоненъ себя самаго обманывать.

Глупцы не знаютъ средины между насмѣшкой и хвалою. Не думай, что я совсѣмъ поносенъ; но берегись почитать меня за немогущаго обмануться.

Разумный человѣкъ находитъ благообразную дѣвицу прекрасною: но тотъ, который желаетъ почитаемъ быть за таковаго, будучи задумчивъ и угрюмъ, говоритъ: она безобразна, и не можетъ тронуть чувствительнаго сердца. Напротивъ того любовникъ ея

 упо-

уподобляетъ ее небеснымъ свѣтиламъ, и предпочитаетъ прелестямъ вѣчной райской Гуріи.

Подобнымъ образомъ разумный ощущаетъ красоты и погрѣшности сочиненія; а тотъ, который въ семъ случаѣ хочетъ казаться таковымъ, ощущаетъ токмо погрѣшности. А глупецъ либо кричитъ караматъ, караматъ—чудо, чудо; либо говоритъ: въ огонь.

Будучи между невѣрными, во многихъ, почитавшихъ себя разумными, примѣтилъ я сіи погрѣшности. Всегда есть то знакъ слабой души, или что-нибудь чрезмѣрно хвалить, или ругать.

Излишество вездѣ худо даже и въ добродѣтели. Добродѣтель, когда выходятъ въ ней изъ предѣловъ, часто перестаетъ быть добродѣтелію. Мужество перемѣняется

няется въ опрометчивость; щедрость въ расточительность; предосторожность въ недовѣрчивость.

Выслушай отъ меня исторію молодаго Селима. Она объяснитъ мною сказанное.

ОТДѢЛЕНІЕ 2.

Селимъ былъ весьма острый юноша. Наставленія мудраго Магомета образовали его сердце. Но что пользы въ добромъ сердцѣ, естьли оно сражается со страстями, и не имѣетъ довольно силъ побѣдить ихъ.

Селимъ имѣлъ великое богатство. Онъ препоручилъ смотрѣніе за своимъ домомъ невѣрному Осману, ничего не стоющему невольнику, который невѣрностію привелъ своего господина въ вели-

чайшую бѣдность. Магометъ, будучи тогда еще живъ, заключилъ недостойнаго Османа въ темницу, и вознаградилъ Селиму знатнымъ подаркомъ потерю его. Селимъ пошелъ къ Осману въ темницу, и, нашедъ его плачущимъ, толико былъ тронутъ, что, освободивъ злодѣя, препоручилъ ему снова управленіе своимъ имѣніемъ.

Селимъ любилъ наинѣжнѣйшимъ образомъ молодую Фатиму; а какъ и она любила его больше своей жизни: то почиталъ онъ себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. Старый Омаръ былъ его другъ, и оказывалъ ему нѣкоторыя малыя услуги. Нѣкогда Селимъ привелъ его къ прекрасной Фатимѣ. Глупый старикъ не могъ противиться ея прелестямъ; онъ полюбилъ Фатиму; но тщетно

но старался всякими ласкательствами уговорить ее, учиниться невѣрною нѣжнѣйшему Селиму. Цульма, дочь Омарова, узнала любовь своего отца. Какъ она любила Селима не за благородное сердце его, но за богатство: то и выдумала хитрость, оказать Омару помощь въ предпріятіи. Она просила его на нѣсколько дней притворяться больнымъ, и потомъ побѣжала какъ отчаянная съ разтрепанными власами въ Селимовъ домъ. Ей извѣстно было его доброе сердце, также извѣстно, сколь удобно его тронуть. Бросившись къ ногамъ его, закричала, обливаясь слезами: родитель мой, родитель мои - умираетъ. Селимъ въ смятеніи поднялъ ее, и обманчивая Цульма открыла ему съ принужденнымъ

 при-

прискорбіемъ, что Омаръ умираетъ отъ любви къ Фатимѣ. Никогда нѣжное сердце столь много не чувствовало; сколько почувствовалъ Селимъ въ сіе мгновеніе. Любовь несравненной Фатимы, дружество съ Омаромъ и слезы Цульмы воздвигли такое сраженіе въ душѣ его, котораго вся его добродѣтель несильна была утишить.

„Гали! что бы предпріяло твое сердце, ежели бы ты былъ Селимомъ?„

Селимъ вознамѣрился потерять свое величайшее щастіе, дабы содѣлать своего друга благополучнымъ. Онъ открылъ свое намѣреніе Фатимѣ въ краткихъ, но орошенныхъ многими слезами строкахъ. Цульма уговаривала его удалиться изъ Медины, дабы,

взирая на печаль прекрасной Фатимы, не быть тронутымъ, и въ тоже время открыла ему въ пламенныхъ выраженіяхъ свою любовь. Притворныя слезы, отчаяніе, обмороки, все призвано было на помощь, дабы тронуть благороднаго Селима. Хотя Селимъ не любилъ Цульму: но не взирая на то нѣжность оказываемая ею къ своему отцу говорила за нее въ сердцѣ его. Онъ, пожертвовавъ дружеству Фатимою, рѣшился пожертвовать собою состраданію, которое имѣлъ онъ къ Цульмѣ. Наидобродѣтельнѣйшій Селимъ вознамѣрился избрать Цульму въ свою сопутницу. Онъ поѣхалъ съ нею изъ Медины, и Омаръ съ чрезвычайною радостію принесъ къ Фатимѣ, ничего подобнаго не ожидающей, письмо, оста-

вленное Селимомъ при отъѣздѣ. Фатима пала на землю; она открыла только глаза, дабы съ потокомъ слезъ возвесть ихъ къ небу; скорбь ея произвела сильнѣйшія движенія. Чего она не дѣлала, и чего не говорила? Омаръ, видя Фатиму въ такомъ состояніи, самъ раскаевался въ своей хитрости.

До чего не можетъ довесть наисильнѣйшая страсть! Нещастная Фатима! Ты тщетно воздыхаешь; Селимъ не слышитъ тебя больше. Онъ удаляется, онъ удаляется съ вѣроломною Цульмою.

Жестокій, ты, который скрываешься подъ видомъ добродѣтели! Жестокій! ты не избѣгнешь мести неба. Убѣгай отъ меня; но отъ воспоминанія меня не убѣжишь. Сіе будетъ всегда смущать твою радость. Какъ скоро слѣпое дѣй-

дѣйствіе ночи представитъ твоимъ очамъ мое печальное лице: то будешь ты думать, что видишь меня. Ты будешь почитать каждой шумъ за стенанія умирающей фатимы. Съ сими словами вонзила кинжалъ себѣ въ грудь. Она пала, умирая, въ объятія своихъ невольницъ, и кровь окропила изумленнаго Омара.

Тако падаетъ едва разпустившаяся роза во прахъ отъ неумолимой руки срѣзавшаго ее; она теряетъ свою краску, не бываетъ больше украшеніемъ весны и радостію юнаго Копчика. Ни одна прелестная дѣвица не удивляется болѣе нѣжнымъ листамъ ея, и другіе около того мѣста находящіеся цвѣты кажутся печально стоящими.

Тако пала умирающая Фатима, но и при смерти плѣняющая и любви достойная. Она взирала на теченіе своей невинной крови со спокойнымъ видомъ; силы ея изтощились, и едва могла она сказать Омару сіи прерывающіяся слова:

Поди, жестокой! скажи Селиму, что я умираю, что онъ умерщвляетъ меня, и я прощаю ему. Скажи ему——Тутъ смертная слабость окончила начинающуюся рѣчь ея. Омаръ повергся въ бѣшенствѣ подлѣ поблѣднѣвшей Фатимы, и, будучи виновникомъ смерти ея, наказалъ самъ себя тѣмъ же кинжаломъ.

Между тѣмъ Селимъ, погруженный въ глубокую печаль, подъѣжжалъ съ обманчивою Цульмою къ Меккѣ. Но, будучи отъ Медины

едва на половину дня пути, узрѣлъ издали своего назади оставленнаго раба Гацула, который кликалъ его назадъ. Онъ восттрепеталъ. Гацулъ открылъ ему, что вѣроломный Османъ убѣжалъ со всѣми сокровищами его, въ намѣреніи присоединиться къ Арапскимъ разбойникамъ. Гацулъ просилъ со слезами Селима возвратиться назадъ, дабы посмотрѣть, не осталось ли чего-нибудь. Селимъ возвратился. Тутъ Цульма начинала уже кидать на него гнѣвные взоры. Съ потерею своихъ сокровищь потерялъ онъ у глазъ ея все, что онъ ни имѣлъ въ себѣ дорогоцѣннаго.

Какой ужасъ объялъ Селима, когда услышалъ онъ проницающіи вопль при дверяхъ Фатимы! Онъ поспѣшно взошелъ туда, и,

узрѣвъ

узрѣвъ Фатиму и купно поблѣднѣвшаго Омара, палъ въ обморокъ предъ ними.

Напротивъ Цульма изрыгала ругательства на Селима. Она была толь жестока, что, оставивъ его въ семъ состоянiи, и, взявъ къ себѣ всѣ находившiяся при немъ сокровища, переселилась съ нѣкоторыми подговоренными ею невольниками въ другое мѣсто, не печалясь о нещастномъ Селимѣ, при которомъ, кромѣ вѣрнаго Гацула, никого не осталось.

Одинъ по случаю мимо проходящiй Иманъ взялся похоронить Фатиму. Между тѣмъ Гацулъ отнесъ своего въ обморокъ находящагося господина на сторону. Сей нещастный хотя открылъ глаза; но казался совсѣмъ лишеннымъ разсудка. Тѣ минуты, въ кото-

рыя былъ еще способенъ мыслить, препровождалъ онъ во слезахъ и отчаянiи. Находясь въ величайшей бѣдности, потерялъ онъ наконецъ зрѣнiе. Сiе было послѣднiй ударъ нанесенный ему щастiемъ. Онъ излѣчился отъ прочихъ болѣзней; но слѣпота его была не изцѣльна. При всемъ томъ ни одинъ лѣкарь не брался за то; ибо бѣдность Селимова не обѣщала имъ награды.

Мало находится людей столь благородныхъ, которые бы, не надѣясь награжденiя, любили добродѣтель. Гацулъ былъ таковъ. Онъ остался при своемъ несщастномъ господинѣ, и былъ руководителемъ въ слѣпотѣ его. Потому что оставленный всѣми своими друзьями Селимъ принужденъ былъ питаться подаянiемъ.

Какое жестокое пропитанiе для такого сердца, каково сердце Селимово! Сколь часто желалъ онъ смерти. Сколь часто просилъ онъ Гацула, или оставить его, или освободить отъ мучительной жизни.

Гацулъ старался утѣшать его. Я, говорилъ онъ, въ Railroadѣ не подвигнулъ ни единаго сердца, изъ бывшихъ въ семъ городѣ добродѣтельнѣйшихъ обитателей, къ милосердiю. Знаменитыя чудовища, занявшiя палаты его, хвалились еще особеннымъ великодушiемъ, естьли позволяли сидящему при прагѣ Селиму подать сосудъ, наполненный водою и черстваго хлѣба.

Гацулъ вывелъ своего господина изъ Медины. Нѣсколько времени скитались они то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ,

пока

пока наконецъ пришли къ огромнымъ палатамъ, которыя притомъ казались быть жилищемъ щастія и радости. Они были освѣщены тысящами лампадъ; драгоцѣннѣйшія благовонія, произходящія отъ фиміама, смѣшаннаго съ прохладными и сладкими изпареніями розъ, наполняли воздухъ. Палаты звучали отъ праздниственнаго шума и радостнаго крика обитавшихъ въ нихъ.

Сколь благополучны, вскричалъ тогда Селимъ, сколь веселы всѣ прочія твари, кромѣ меня! Я! я одинъ осужденъ на вѣчную ночь. Моя душа толико же потемненна, какъ и глаза; не можетъ радость проникнуть въ нее, или столь мало, какъ свѣтъ можетъ проникать въ оные.

Съ сими словами, изнуренный усталостію и гладомъ, повергся онъ при дверяхъ палатъ. Гацулъ пошелъ туда, дабы промыслить нѣсколько пищи для него. Слѣпый Селимъ, услышивъ, что нѣкто выходитъ изъ дома, спросилъ: чьи палаты и какая причина радости? Выходящій изъ палатъ, котораго спрашивалъ онъ, былъ невольникъ, который отвѣтствовалъ грубо, что палаты принадлежатъ Осману начальнику Арапскихъ разбойниковъ, и причиною торжества бракосочетаніе Османа съ Цульмою дочерью Омара. Невольникъ пошелъ, и предалъ нещастнаго Селима печальнымъ размышленіямъ.

Такъ Османъ живетъ благополучно въ веселіи; а Селимъ лежитъ лишенный силъ и полумертвый

твый предъ прагомъ бывшаго раба его! Вскричалъ онъ. Вѣчное Существо, сіе ли награжденіе обѣщанное тобою смертнымъ за добродѣтельную жизнь ихъ? Естьли бы не поступилъ я великодушно съ Османомъ: то бы лежалъ онъ яко рабъ предъ моимъ прагомъ, и я жилъ бы въ огромныхъ палатахъ. Естьли бы, по прозбѣ вѣроломной Цульмы, не оставилъ я Фатиму Омару: то бы еще видѣли глаза мои свѣтъ, и еще болѣе, они видѣли бы Фатиму. О добродѣтель, что ты такое! Ты долженствуешь содѣлывать людей благополучными; а я учинился чрезъ тебя нещастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Тутъ сильный шумъ прервалъ жалобы его. Онъ думалъ, что слышитъ великое число рат-

никовъ. Наконецъ услышалъ голосъ пронзившій его сердце, при звукѣ котораго ощутилъ онъ вышечеловѣческія движенія. Нещастный Селимъ, говорилъ сей голосъ, престань жаловаться на небо, ты самъ причиною твоего нещастія. Добродѣтель безъ благоразумія и разсмотрительности никогда не бываетъ совершенною. Твои погрѣшности простительны. Благороднѣйшія сердца весьма легко обманываются. Но не оскорбляй небо жалобами; ты одинъ виновникъ твоего нещастія. Неосторожная добродѣтель часто была сильно угнѣтаема. Ты могъ бы простить Османа, не отдавая снова твоего имѣнія въ руки его. Не помышлялъ ли ты, что надлежало тебѣ исполнять должности касающіяся тебя самаго? Ты могъ

бы препоручить сердце Фатимы Омару, не удаляясь отъ нее съ такою жестокостію. Хотя ты позабылъ, что столь же много обязанъ любви, сколько дружеству: однако на тебѣ, исполнить должности какъ въ разсужденіи Фатимы, такъ и въ разсужденіи Омара. Но оставимъ сіе. Твои погрѣшности были погрѣшности неразсмотрѣнія. Добродѣтель, какъ скоро будешь смотрѣть на нее только съ одной стороны, можетъ погрѣшить.

Кто ты таковъ? Возопилъ Селимъ, кто ты таковъ, ты, который очаровываешь меня своимъ голосомъ; научаешь своею рѣчью познать мою несправедливость, и трогаешь выговоромъ? Кто ты таковъ, и откуда пришелъ? Я ангелъ Иѳуріилъ, отвѣчалъ голосъ.

Провидѣніе послало меня отмстить за тебя. Но я хочу прежде тебя исправить. Познай свою несправедливость, только вѣрь, что добродѣтель никогда не причиняетъ нещастія. Размысли о теперишнемъ твоемъ состояніи; размысли о веселіи беззаконныхъ, и о радостномъ восклицаніи слышимомъ тобою. Все сіе мгновенно перемѣнится. Тутъ услышалъ Селимъ новый шумъ, который постепенно умножался. Какъ сонъ изчезаетъ, продолжалъ голосъ, тако изчезнетъ щастіе глупцовъ; какъ сонъ изчезаетъ, тако изчезнетъ твое нещастіе. Буди покоренъ Отцу всѣхъ существъ, и ожидай спокойно твоего опредѣленія.

Селимъ исполненный удивленія повергся, и цѣловалъ землю. Онъ

услышалъ ужасный жалобный крикъ, изходящій изъ палатъ. Пѣсни перемѣнились въ печальный стонъ. Онъ позналъ голоса Селима и Цульмы, просящихъ помилованія съ униженностію. Ведите ихъ на смерть, слышалъ онъ ангела Иѳуріила глаголющаго; накажите ихъ за злость. Османъ и Цульма подняли великой крикъ. Селимъ былъ подвигнутъ къ состраданію; и ему вскорѣ не слышно стало болѣе голосовъ ихъ. Онъ слышалъ только умирающій стонъ, который почиталъ за голоса ихъ.

Слѣдуй за мною, говорилъ Иѳуріилъ, и повелъ Селима за руку въ палаты. Тамъ началъ ободрять его. Не бойся, говорилъ онъ; приготовляйся видѣть нѣчто такое, что ты почтешь за невозможное. Буди благополученъ, и

благодари небо. Тутъ почувствовалъ Селимъ, что помазали глаза ему ѣдкимъ сокомъ. Боль принудила его приложить руки. Но, отнявши ихъ, принужденъ былъ опять поспѣшно приложить; поелику свѣтъ, котораго не видалъ онъ долгое время, для слабаго зрѣнія его былъ ослѣпляющь. Прозрѣвъ, увидѣлъ Селимъ при первомъ своемъ взглядѣ вмѣсто ангела Иѳуріила Фатиму, свою любезнѣйшую Фатиму живую, во всей прежней красотѣ ея, стоящую предъ нимъ съ улыбкою. Онъ думалъ, что то сновидѣніе; думалъ, что находится въ раю, и не могъ пріитти въ себя до тѣхъ поръ, пока Фатима начала говорить тако:

Я, я самая Фатима. Точно, любезнѣйшій Селимъ, я еще живу. Я сказалась тебѣ Иѳуріиломъ для

того

того, чтобЪ тебя предЪуготовить кЪ чудному дѣйствїю видимому тобою. ИманЪ, которому надлежало похоронить меня, нашелЪ, что моя душа не совсѣмЪ еще разлучилась сЪ тѣломЪ. Сей мудрый мужЪ, будучи искусенЪ во врачебной наукѣ, возвратилЪ мнѣ жизнь; отЪ него-то самаго я получила мазь, даровавшую опять свѣтЪ очамЪ твоимЪ, онЪ упрекалЪ меня вЪ моей глупости, и излѣчилЪ купно сЪ тѣломЪ мою душу. ПослѢ того пошла я кЪ могущественному Магомету, и возвѣстила ему обЪ общемЪ нашемЪ нещастїи и о злобѣ Османа и Цульмы. ОнЪ далЪ мнѣ сихЪ вооруженныхЪ, которыхЪ ты предЪ симЪ слышалЪ, и ты видишь, какЪ ревность его наказала преступниковЪ. Долгое время искала я тебя тщет-

но. Благодари небо, и буди со мною щастливЪ. ТакЪ говорила Фатима.

СелимЪ бросился вЪ восторгѢ кЪ ногамЪ ея. ОнЪ опять завладѢлЪ своимЪ богатствомЪ, завладѢлЪ вЪ лицѢ Фатимы сокровищемЪ, превосходившимЪ всякое богатство; вѢрный ГацулЪ былЪ награжденЪ. СелимЪ содѢлался щастливѢйшимЪ изЪ человѢковЪ вЪ тотЪ самой день, вЪ который почиталЪ себя пренещастливымЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

Научись, сынЪ ИбрагимовЪ, научись изЪ примѢра Селимова, что ничто превосходящее мѢру не можетЪ быть совершенно. Правда теперь почитаютЪ за несправедливое дѢло совѢтовать смертнымЪ

нымъ, наблюдать умѣренность въ добродѣтели. Но сколь были бы они щастливы, естьли бы только въ своихъ порокахъ были умѣренны. Подъ луною нѣтъ ничего совершеннаго. Часто добродѣтели раждаютъ пороки, и часто пороки раждаютъ добродѣтели. Таково состоянiе, въ которомъ мы живемъ!

Люди кажутся себѣ благоразумными; они иногда стараются увѣрить себя, что они добродѣтельны; поелику не имѣютъ въ себѣ погрѣшностей несродныхъ лѣтамъ ихъ, или ихъ темпераменту.

Старикъ кажется себѣ благоразумнымъ; поелику не увѣнчиваетъ болѣе своего дома во время радостныхъ плясокъ розами; поелику пребываетъ нечувствите-

ленъ къ прелестямъ танцовщицы, и поелику не способно уже чувство его къ ощущенію живыхъ радостей, чувствуемыхъ щастливымъ юношествомъ при всѣхъ его иногда околичностяхъ.

Юноша кажется себѣ благоразумнымъ; поелику не запираетъ своихъ денегъ въ сундукахъ; не жалѣетъ о протекшемъ времени, и поелику не имѣетъ въ себѣ скупости и недовѣренія, что часто сопровождаетъ старость, и каковой болѣзни не чувствуетъ юноша.

Задумчивый глупецъ почитаетъ себя разумнымъ; поелику всѣхъ прочихъ считаетъ глупцами; почитаетъ себя добродѣтельнымъ; поелику усматриваетъ малѣйшіе пороки въ подобныхъ себѣ; словомъ, онъ во всемъ почитаетъ

таетъ себя совершеннымъ. Но небо дало ему то въ наказаніе, что никогда не почитаетъ себя щастливымъ; не знаетъ своего щастія; убѣгаетъ отъ него, и потому называетъ себя нещастливѣйшимъ изъ смертныхъ.—Каковъ и дѣйствительно.

Напротивъ легкомысленный, все презирая, почитаетъ себя благоразумнымъ потому, что ни къ чему неспособенъ.

Глупцы, почитающіе себя благоразумными; порочные, увѣряющіе самихъ себя, что они добродѣтельны, со всѣмъ безнадежны. Они останутся глупыми и порочными.

Я, живучи между невѣрными въ одномъ городѣ, называемомъ Римъ, взиралъ со удивленіемъ, какъ смертные смертному, который

былъ

былъ на высочайшемъ достоинствѣ, и желалъ всѣмъ овладѣть, яко совершенно безсмертному покланялися. Я жилъ въ домѣ одного человѣка, который почиталъ себя добродѣтельнымъ потому, что въ каждую недѣлю одинъ день воздерживался отъ мяса. Однако примѣтилъ я, что почти всякой день упивался сладкимъ виномъ; я однажды видѣлъ его восходящаго ночью по лѣстницѣ въ спальню своего сосѣда въ то время, какъ жена одна была въ домѣ.

Тутъ, подвигнувшись на гнѣвъ, упрекалъ я христіанина его преступленіемъ. Но онъ началъ бранить меня, называлъ невѣрнымъ, и сказалъ, что погрѣшности его сродны человѣчеству, что онъ повинуется своей церкви и воздерживается одинъ день въ недѣлю

отъ

отъ употребленія мяса. Онъ надѣялся взойти въ рай.

Гали! не смѣйся сему глупцу; большая часть людей подобна ему. Естьли они имѣютъ въ себѣ нѣкоторое доброе качество; естьли наблюдаютъ нѣкоторую должность: то думаютъ, что они свободны отъ наблюденія прочихъ должностей.

Между христіанами видѣлъ я многихъ людей, которые почитали себя благоразумными, потому что небылицу могли краснорѣчиво доказать, и сіи глупцы иногда называли себя философами.

У невѣрныхъ вошло въ обыкновеніе смѣяться другъ другу. Законоискусникъ смѣется лѣкарю, говоря, что искуство его неизвѣстно и суетно. Рузумѣющія науку лѣчить, говорятъ

тоже

тоже о законоискусникѣ. Оба можетъ быть равны; но каждый кажется себѣ замѣчанія достойнымъ человѣкомъ.

Тѣ, которые получили отъ небѣ даръ, въ пріятныхъ пѣсняхъ воспѣвать добродѣтель, и поощрять юношество примѣромъ прежнихъ героевъ къ благородному ревнованію, смѣются большей части смертныхъ, такъ какъ глупцамъ. Сіи взаимно смѣются имъ, называя искуство ихъ враками. Не подпади сей глупости, Гали! Каждое знаніе заслуживаетъ свою похвалу, и каждая добродѣтель достойна почтенія.

Надлежитъ ли для того изкоренять тихія фіялки; поелику не равняются въ величествѣ съ Тюльпанами, и превышаютъ собраніе низкихъ травъ. Хотя имѣютъ

ютъ они недостатокъ въ великолѣпіи блестящихъ красокъ: но тихое благовоніе служитъ украшеніемъ весны и радостію юныхъ дѣвицъ, которои онѣ ищутъ въ новораспустившихся рощахъ, будучи сопровождаемы пламенными отроками.

Сколь нещастенъ былъ бы свѣтъ, естьли бы каждый имѣлъ одинакія склонности! Каждый смертный приноситъ свою пользу, и естьлибы не было глупыхъ, то какую бы славу получили мудрые? Сіе весьма не многіе изъ невѣрныхъ усматриваютъ; всѣ они говорятъ, что свѣтъ худъ: поелику всѣ недовольны, и поелику каждый изъ нихъ съ охотою желаетъ быть знатнѣйшимъ.

Я однажды пришелъ къ одному человѣку, присвоивавшему себѣ

знаменитое титло Философа; сколь щастливъ, сказалъ онъ, былъ бы свѣтъ, естьли бы одни философы обитали въ немъ! Я повѣрилъ тому; ибо прежде сказывали мнѣ много о семъ человѣкѣ. По случаю пришелъ другой Философъ туда; и такъ начали они спорить о важномъ вопросѣ: сколь много ангеловъ можетъ помѣститься на остріѣ иглы, и надъ тѣмъ столь разгорячились, что стали наконецъ бить другъ друга. Я разведши ихъ вскричалъ: какъ! —естьли только два Философа не могутъ одного часа вмѣстѣ пробыть; то что было бы, когда бы свѣтъ имѣлъ ихъ одних! Нѣтъ, я благодарю за то Провидѣніе, что свѣтъ наполненъ дураками. Гали! Я скажу тебѣ еще разъ, что нѣтъ ни одного смертнаго совсѣмъ безполезнаго;

каждое творенiе имѣетъ свою пользу; для чего же не имѣть также и глупымъ своей? Стоитъ только для полученiя оной здѣлать изъ нихъ правильное употребленiе.

Пилпаи повѣствуетъ о человѣкѣ, который первый высѣкъ огонь изъ двухъ кремней. По случаю пала искра на сухое дерево; и такъ найдена сiя знаменитая стихiя. Исполненный радости расказалъ онъ то другимъ людямъ, скитавшимся тогда еще по лѣсамъ; вдругъ стеклась туда толпа смертныхъ; всѣ удивлялись сiянiю огня; одинъ изъ нихъ хотѣлъ отъ радости обнять его, и ужасно обжегся; то его разсердило, и онъ хотѣлъ бить изобрѣтателя. Что ты дѣлаешь? сказалъ онъ. Изобрѣтенное мною весьма полезно; но чѣмъ я виноватъ, что ты хотѣлъ здѣлать глу-

глупое изъ онаго употребленіе? Діамантъ лежитъ глубоко заключенъ въ нѣдрахъ земли; съ трудомъ извлекаютъ его, и тутъ чрезъ обработываніе получаетъ онъ блескъ и драгоцѣнность. Человѣкъ гонящіися за щастіемъ въ землю, которая ему не нравится; или принимающіися за работу, къ которой онъ неспособенъ, прилучшихъ качествахъ останется печальнымъ и безполезнымъ.

Тако увядаетъ Царскій кедръ, пересажденный въ чужую и суровую землю. Онъ коснулся бы небесъ; былъ бы удивленіемъ прохожихъ; естьли бы находился на хорошей полосѣ земли. Тутъ печальные листы его низпадаютъ, лишившись силъ, и Нимфы лѣса сожалѣютъ о своей судьбѣ. Каждый смертный имѣетъ свою цѣну, естьли случай

естъ ему обнаружитъ оную. Послушай, что случилось нѣкогда съ Великимъ Калифомъ Гаруномъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 4.

Исторія о неправо раздѣленныхъ состояніяхъ.

Калифъ Гарунъ, идучи по своему обыкновенію ночью съ великимъ Визиремъ Гіафаромъ Багдадскою улицею, для наблюденія за поступками своихъ подданныхъ, услышалъ шумъ. Онъ увидѣлъ Имана, которы казался пьянымъ и велъ за руку дѣвочку, шатающагося по дорогѣ и поющаго скверныя пѣсни громкимъ голосомъ. Какой соблазнъ, вскричалъ Гіафаръ, какое безчестіе вѣрѣ! Не горячись, сказалъ Калифъ, человѣкъ имѣетъ хоро-

шій голосЪ. Не успѣлЪ еще Калифъ окончить рѣчи, какЪ пришелЪ КапитанЪ ночной стражи съ сильною свитою. ОнЪ подошелЪ къ Иману, и, вмѣсто того, чтобЪ взять его подЪ стражу, сталЪ говорить ему прекрасную рѣчь о пьянствѣ, и увѣщевалЪ его, жить сбразмѣрно своему состоянію. ИманЪ началЪ громко смѣяться. КакЪ ты, будучи КапитаномЪ стражи, можешь такЪ ругать пьянство. Удивительный ты человѣкЪ! ПойдемЪ со мною, я клянусь моимЪ саномЪ, что напою тебя и всѣхЪ твоихЪ солдатЪ. Или ты непомышляешь, нечестивый, сказалЪ КапитанЪ, какой ты дѣлаешь грѣхЪ! Я, сколько впрочемЪ ни уважаю твое состояніе, принужденЪ буду взять тебя подЪ стражу. ТутЪ ИманЪ началЪ Капита-

питана бить, и, выхвативъ у него саблю, оборонялся оною отъ стражи. Хотя сильно нападали на него; но храбрость и ловкость, съ каковою онъ защищался, привела Калифа въ удивленіе. Капитанъ, удалившись въ ближнюю мечеть, началъ жаловаться, приклоня колѣни, въ своей молитвѣ на злость Имана. Но Иманъ столь храбро оборонялся, что принудилъ караульныхъ обратиться въ бѣгство, и многихъ изъ нихъ поранилъ. Наконецъ продолжалъ онъ въ безопасности итти далѣе; и Калифъ вышелъ изъ за угла, гдѣ стоялъ съ Гіафаромъ. Каковъ тебѣ кажется сей шумъ? Сказалъ онъ своему Великому Визирю. Капитанъ стражи такого же достоинъ наказанія, какого и Иманъ, отвѣчалъ Гіафаръ. Я въ жизни моей не ви-

дывалъ большей трусости! Не ругай его, сказалъ Калифъ, онъ хорошій ораторъ и весьма набожный человѣкъ. Представь его завтра ко мнѣ вмѣстѣ съ Иманомъ.

Потомъ Калифъ пошелъ съ великимъ Визиремъ къ дому знаменитаго своего раба; онъ былъ Кади, или Судья Багдадской; каждый почиталъ его разумнымъ: поелику былъ крѣпокъ тѣломъ и взраченъ; умѣлъ дѣлать притворные взгляды, и, будучи врагомъ своихъ подчиненныхъ, дружески обходился съ посторонними. Калифъ, услышавъ великій шумъ, остановился у дверей. Причиною сего шума былъ крикъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ невольниковъ, которыхъ Азгадъ, такъ назывался Кади, билъ безъ милосердія. Они угрожали ему, что будутъ на него

го жаловаться Калифу. Калифъ можетъ мнѣ указывать столько же, сколько и вы. Псы, кричалъ Азгадъ, Калифъ добрый человѣкъ; онъ долженъ дѣлать въ мою угодность. Послѣ сей трудной работы пошелъ весьма разгоряченный Азгадъ въ свою комнату. Тамъ нашелъ онъ, недавно купленную невольницу, погруженную въ глубочайшую печаль. Сталъ представлять себя толико любезнымъ, что Калифъ, смотрѣвшій тогда въ скважину, сначала усумнился; въ самомъ ли дѣлѣ, говорившій столь глупо, былъ скромный и разумный Азгадъ. Онъ хотѣлъ съ нею шутить, и началъ заводить великія шалости, на которыя никто бы не могъ смотрѣть безъ смѣха; но невольница Альцаида при всемъ его любовномъ

изступленіи отъ него отвращалась, будучи погружена въ глубочайшую печаль.

Въ то время вошелъ туда слуга, который сказалъ Азгаду, что бѣдная вдова съ пятью дѣтьми стоитъ за дверью, и, плача неутѣшно, проситъ допустить ее къ Кадію. Что мнѣ дѣлать съ стономъ? кричалъ Азгадъ: Скорѣй травите ее собаками, иначе самихъ васъ ими стравлю. Невольникъ вышедъ проклиналъ своего жестокаго господина. Между тѣмъ Азгадъ опять принялся за свою глупость, и хотѣлъ поступить съ Альцидою нѣсколько вольно.

Отступи, недостойный, вскричала красавица. Правда, ты купилъ меня у подобныхъ себѣ хищниковъ; ты имѣешь власть

надъ моею жизнію, но не надъ добродѣтелію. Состояніе мое столь же высоко, какъ и твое; а сердце еще больше. Отступи, или сей кинжалъ освободитъ меня отъ мучительной жизни. Азгадъ хотѣлъ отвѣчать: но Калифовъ невольникъ, вступившій въ комнату поколебалъ его. Государь мой! вскричалъ Цаиръ, такъ назывался невольникъ, государь мой! Калифу угрожаетъ великая опасность. Возми сей листъ, и зри имена зговорившихся, его погубить. Тутъ Цаиръ подалъ Азгаду писанную бумагу, и по случаю узрѣлъ Альцаиду. Онъ поблѣднѣлъ, и упалъ назадъ въ обморокѣ. Альцаида начала громко кричать, и прибѣжала къ Цаиру; но Азгадъ, отполконувъ ее, приказалъ его выбить изъ дома.

Послѣ

Послѣ того, взявъ данную ему Цаиромъ бумагу, сказалъ своимъ слугамъ, чтобъ отнесли оную домашнему писцу. Государь, отвѣтствовалъ ему одинъ слуга, тебѣ извѣстно, что онъ отъѣхалъ, и не прежде осьми часовъ возвратится. Такъ положи письмо въ его горницу, кричалъ Азгадъ, это дѣло невольника, и такъ ни малой не можетъ принесть пользы. Пусть оно лежитъ. Цаиръ, лежавшій предъ дверьми Азгадова дома полубодрствующимъ и полуспящимъ, наконецъ освободился отъ обморока; и въ то время Калифъ, все то слышавшій, приближился къ нему, и, не дая о себѣ знать, спросилъ его, о содержаніи бумаги, данной имъ Азгаду. Я надѣюсь, сказалъ Цаиръ, что Азгадъ отвратитъ всю опасность; Калифъ находится

ходится въ опасности. При семъ назвавъ Цаиръ поименно нѣсколькихъ заговорщиковъ, оставилъ въ смятеніи изумленнаго Калифа. Послѣ того Калифъ пошелъ немедлѣнно въ палаты; созвалъ вѣрнѣйшую свою стражу, и въ туже еще ночь приказалъ забрать заговорщиковъ. По окончаніи же всего того, послалъ онъ Гіафара, привесть Азгада, Имана и Капитана стражи.

Наставшу уже утру, Калифъ смотря для прохлажденія въ окно увидѣлъ въ своемъ саду одного раба, который, вмѣсто того чтобы работать, лежа подъ деревомъ, жалостно воздыхалъ и плакалъ. Смотритель за садомъ, подошедъ къ невольнику, бранилъ его: какъ! третіи уже день тому, какъ ты почти ничего не работалъ,

пре

препровождая время во слезахъ и сѣтованіяхъ? Я тебѣ дамъ причину жаловаться. Тутъ поднялъ онъ пень, и, естьли бы Калифъ не закричалъ въ окно, то рабъ претерпѣлъ бы жестокое наказаніе. Калифъ приказалъ ему привесть къ себѣ сего невольника. Когда пришелъ невольникъ, и ожидалъ съ печалію, какое учинятъ ему наказаніе: въ то время вступили туда Иманъ, Капитанъ и Азгадъ, приведенные Великимъ Визиремъ. Сіи узнали уже отъ Визиря о видѣнномъ въ прошедшую ночь Калифомъ. Когда каждый, зная свою несправедливость, трепеталъ, боясь потерять жизнь: то пришелъ туда Калифъ. Они пали предъ нимъ на колѣна; встаньте, сказалъ Калифъ, и ты Иманъ раскажи мнѣ исторію своей жизни,

а

а послѣ тебя и прочіе тоже должны здѣлать; но берегись умолчать предо мною истинну. Повелитель правовѣрныхъ! такъ началъ Иманъ, я клянусь, сказать тебѣ истинну.——Сія есть моя исторія.

Исторія Имана.

Я называюсь Меладиномъ, и родился отъ родителей средственнаго состоянія. Поелику мать моя, будучи мною чревата, видѣла худой сонъ: то опредѣлила быть мнѣ Иманомъ. Я никогда не изъявлялъ къ тому охоты; я былъ уже смертельно влюбленъ въ одну молодую дѣвушку, и склонность влекла меня къ войнѣ. Я дѣиствительно удалился отъ родителей, дабы итти на войну, которую

рую ты велЪ сЪ невѣрными, и былЪ довольно щастливЪ вЪ оказаніи тебѣ нѣсколько услугЪ. Я отнялЪ вЪ послѣднее сраженіе у непріятелей два знамя; но возвратившись раненымЪ, препоручилЪ оныя Агѣ, подЪ начальствомЪ котораго я служилЪ. Ага сказалЪ тебѣ, что знамена отбиты самимЪ имЪ у непріятелей; и такЪ я, лежа израненный на болѣзненномЪ одрѣ, остался вЪ забвеніи. Будучи вЪ великой бѣдности, принужденЪ былЪ возвратиться кЪ моимЪ родителямЪ. ТамЪ сЪ великимЪ отчаяніемЪ открылЪ я, что дѣвушка учинилась мнѣ невѣрною, и вышла замужЪ за другаго. Сія вѣдомость содѣлала меня почти совсѣмЪ безумнымЪ: и такЪ отчаяніе, нужда и слезы моей матери понудили меня занять состояніе

Имана.

Имана. Зная довольно неспособность свою къ тому, ежедневно влекусь жаромъ къ новымъ околичностямъ. Но естьли ты, Повелитель правовѣрныхъ, рузсудишь о моей исторіи: то думаю почтешь меня достойнымъ прощенія.

Послѣ того Калифъ, приказавъ Иману выттти въ ближнюю горницу, спросилъ Капитана стражи о жизни его, который и началъ обь оной расказывать тако:

Исторія Капитана стражи.

Повелитель правовѣрныхъ! Меня зовутъ Гассаномъ. Я родился въ деревнѣ, и, будучи старшимъ изъ дѣтей, коихъ имѣли мои родители, принужденъ былъ такъ, какъ обыкновенный солдатъ иттти на войну, хотя сіе и было про-

тивъ моей склонности, которая всегда избираетъ постоянный родъ жизни. Припомнишь ли, Государь, какъ въ прошедшую войну взволновалась часть войска? Въ то время я вступилъ въ средину оной, и говорилъ рѣчь, которая побудила ее быть опять тебѣ покорною. Въ награжденіе за сію удачу здѣланъ я Капитаномъ стражи. Государь! отпусти за сіе дѣло мои достойныя наказанія погрѣшности. Тутъ по мановенію Калифа Гассанъ отшелъ.

Теперь ты Азгадъ, сказалъ Калифъ, раскажи о твоей жизни. Мнѣ нѣчего сказать, отвѣчалъ Азгадъ. Я рожденъ отъ знатныхъ родителей, и, имѣя при дворѣ друззей, здѣланъ потому Кадіемъ. Я надѣюсь, Государь, что ты не опорочишь мое высокое состояніе,

и

и уважишь то; что дѣдъ моего дѣда былъ Великій Визирь. Тутъ Азгадъ, не имѣя личныхъ заслугъ, хотѣлъ повѣствовать дѣла своихъ предковъ: но Калифъ приказалъ ему замолчать и вытти вонъ. Посемъ невольникъ началъ разказывать о своей жизни.

Исторія Цаира и Альцаиды.

Повелитель правовѣрныхъ! Имя мое Цаиръ. Отецъ мой былъ знатнѣйшій изъ небольшихъ Князей обитающихъ въ щастливой Аравіи; онъ жилъ въ маломъ замкѣ, въ которомъ препроводилъ я перьвыя лѣта моей юности въ непоколебимомъ спокойствіи: только Алгацель, другій небольшій Князь, котораго поля были смѣжны съ полями отца моего, причинялъ

 ему

ему часто безпокойство, и несогласіе между обоими достигло высочайшей степени. Я довольствовался только чтеніемъ древнихъ исторій, пѣснями и ловлею даже осьмагонадесять года. Нѣкогда на охотѣ почувствовавъ сильную жажду, когда сѣлъ я на лошадь, дабы въ ближнемъ источникѣ утолить оную: то увидѣлъ красавицу, всѣми прелестями юности украшенную, спящую близъ источника, неосторожно разметавшись. Я приближился къ ней со удивленіемъ, удовольствіемъ и притомъ съ трепетомъ; никогда не видывалъ чего-либо прекраснѣе: Я поцѣловалъ руку спящей красавицы. Она пробудилась, и испужавшись начала весьма скоро бѣжать. Въ великой печали смотря въ слѣдъ за нею, наконецъ стара-

рался я ее догнать, но тщетно. Она уже удалилась въ густоту лѣса, и я всуе искалъ ее даже до захожденія солнца. Я скитался всю ночь по лѣсу, непрестанно сопровождаемъ будучи образомъ спящей красавицы. Наконецъ при наступленіи дня нашелъ прямую дорогу. Какъ я ужаснулся, когда, приближась къ замку отца моего, увидѣлъ оный окруженнымъ ратниками? Алгацель нечаяннымъ нападеніемъ хотѣлъ покорить отца моего подъ свою власть, а отецъ мой, имѣя при себѣ не многихъ невольниковъ, едва могъ противиться. Я пустился на непріятелей; мы были довольно щастливы прогнать ихъ; мы разпространили побѣду даже до стѣнъ Алгацелева замка, но и тамъ не утихъ нашъ гнѣвъ;

мы проникли вЂ замокЂ, и я сЂ обнаженнымЂ мечемЂ преслѣдовалЂ бѣгущаго Алгацеля по разнымЂ комнатамЂ; наконецЂ настигЂ его и тутЂ не прошло бы безЂ кровопролитія, естьли бы женщина не стала между имЂ и мною. Родитель мой! вскричала она устрашившись. ВзглянувЂ на нее, увидѣлЂ со удивленіемЂ красавицу, найденную мною вЂ лѣсу, вЂ лицѣ Альцаиды, дочь моего непріятеля. Ея слезы умоляли меня о Алгацелевой жизни; она бросилась кЂ ногамЂ моимЂ. Это излишнее вскричалЂ я, и отбросилЂ саблю; встань, божественная красавица! я во всемЂ тебѣ повинуюсь; ты побѣдила; ЦаирЂ любитЂ тебя, и ты одна можешь сдѣлать его щастливымЂ или нещастнымЂ. Между тѣмЂ сви-

рѣпый Алгацель, поднявъ мою саблю, когда хотѣлъ однимъ ударомъ окончить мою жизнь: то Альцаида опять стала между мною и отцемъ, и, падши на колѣна, ходатайствовала у него за мою жизнь. Что ощущалъ я въ сіе мгновеніе? Страхъ умереть не столько былъ великъ, какъ радость видѣть Альцаиду за меня просящую. Тутъ вдругъ отецъ мой проникъ въ комнату; Алгацель былъ окованъ, и весь замокъ принадлежалъ ему. Я бросился къ ногамъ моего отца; представлялъ ему, что не могу жить безъ Альцаиды, и сіе толико тронуло его, что заключилъ миръ съ Алгацелемъ; все опять возвратилъ ему, не требуя ничего, какъ только, что бы отдана была мнѣ Альцаида. Алгацель на все

согласился. И такъ почиталъ я себя благополучнѣйшимъ на свѣтѣ; ибо Альцаида любила меня; мы съ нетерпѣливостію ожидали того щастливаго дня, который соединитъ насъ на вѣки. Но ахъ! вечеромъ, когда я прогуливался съ нею въ лѣсу; когда разговаривали мы о щастіи нѣжности: то выскочило изъ кустовъ нѣсколько разбойниковъ. Я былъ безоруженъ; и такъ взяли насъ въ плѣнъ и повели. Сіи безчеловѣчные, не взирая на всю нашу прозьбу, разлучили насъ. Тебѣ, Государь! я проданъ былъ яко рабъ, и опредѣленъ въ садовую работу, когда не зналъ я, гдѣ Альцаида находится, и когда печаль моя и непривычка къ трудной работѣ совсѣмъ истощила мои силы: въ то время по вечеру услышалъ я нѣсколь-

кихъ

кихъ человѣкъ подлѣ стѣны говорящихъ. Чрезъ сіе самое открылъ заговорщиковъ; а вчера, пришедши къ Азгаду, нашелъ Альцаиду. Государь! прочее извѣстно тебѣ. По сихъ словахъ лице Цаирово омочилось нѣсколькими слезами.

Калифъ приказалъ позвать прочихъ, и когда они казались трепещущими: тогда началъ говорить. Я вижу, сказалъ онъ, что всѣ вы достойны наказанія: ни одинъ не исполняетъ своей должности, такъ какъ должно. Ты Меладинъ, въ наказаніе тебѣ, да не будешь болѣе Иманомъ: ибо ты неспособенъ къ сему состоянію. Буди Капитаномъ стражи; а краснорѣчивый Гассанъ да будетъ вмѣсто тебя Иманомъ.

Подойди ближе Цаиръ, спасшій мою жизнь! Ты причисленъ къ невольникамъ. Въ наказаніе за твою лѣность въ работѣ долженствуешь быть Багдадскимъ Кадіемъ; все Азгадово богатство да будетъ твое. А ты, подлый! сказалъ Калифъ Азгаду, недостоинъ повелѣвать другими. Ты имѣешь рабское сердце; то и буди рабомъ. Буди невольникомъ вмѣсто Цаира! Ступай на работу, на которую самъ себя посылаешь; ступай къ трудамъ столь же подлымъ, какъ и душа твоя. Тотчасъ, раздѣвъ Азгада, надѣли на него Цаирово невольничье платье, и отвели въ садъ на работу, не помышляя о заслугахъ предковъ его. Иманъ и Гасcанъ обмѣномъ были довольны, и щастливый Цаиръ соединился съ Альцаидою. Опять увидя ее, сердце

це его возрадовалось. Тако радуется соловей при возвращеніи весны, когда вся природа опять начнетъ оживляться; онъ съ радостію взираетъ на новую зелень спокойныхъ рощъ; его пѣснь привѣтствуетъ весну, и восхищаетъ внимательные лѣса.

ОТДѢЛЕНІЕ 5.

Путешествіе Ацибово къ источнику жизни.

Въ двенатцатое лѣто правленія Галлама Индостанскаго Монарха Оцмагъ Янычарскій Ага, перешедъ стрегущихъ палаты около часа второй молитвы, вступилъ въ комнату Ациба Гедамова сына, и началъ говорить тако: „Ациба! „сынъ Гедамовъ, я желаю, чтобъ

„дан-

„данное мнѣ повелѣніе послужило „тебѣ въ пользу! Подай мнѣ свою „саблю, и послѣдуй за мною къ „Султану. Таково его благоволе„ніе!„. Какъ скоро Ациба выслушалъ сіи слова: то палъ лицемъ на землю, и, призвавъ въ покровительство Пророка, сказалъ: положи руку на главу мою; Султанъ господинъ надъ моею жизнію, и я его невольникъ! Потомъ, немедлѣнно препоручивъ ему свою саблю, послѣдовалъ за нимъ. Внизу лѣстницы стояли караульные солдаты готовые окружить Ациба и вести предъ тронъ Галламовъ.

При Монархѣ находились Сераскиръ, Великій Визирь и Наранъ Муфтій.

Осмагъ, положивъ Ацибову саблю предъ трономъ, сказалъ: „Свѣтъ „правовѣрныхъ! —— Ациба безъ

„малѣи-

„малѣйшаго противорѣчія повино-
„вался твоему повелѣнію: о есть-
„ли бы непріятели твои послѣдо-
„вали его примѣру!„. Не взирая на то, что Ацыба ни мало не былъ виновенъ; зритель ужаса объялъ жизненные его духи; но между тѣмъ онъ былъ такой повелитель движеній своей души, что не показалъ ни малѣйшаго вида страха въ своей крайности.

Какъ скоро Султанъ увидѣлъ Ацыбу, лежащаго предъ своими ногами: то началъ говорить: „Сынъ
„Гедамовъ, преклонимъ мы всѣ ко-
„лѣна предъ живущимъ во вѣки!„ Сіи слова умножили Ацыбовъ ужасъ. Султанъ, Муфтій, Великій Визирь и Ага начальникъ тѣлохранителей пали на колѣни, приклоня лице къ землѣ, и пѣли пѣсни въ честь Пророку. Ацыба, не

знавая

зная о своей судбинѣ, призывалъ въ ревностныхъ молитвахъ Магомета въ свою помощь: — „Естьли „когда мои намѣренія были чи- „стосердечны, такъ молился онъ Пророку; естьли когда путешест- „вовалъ я въ Мекку, дабы отдать „гробу твоему должную честь; „естьли когда орошалъ священную „гору Арафатъ моими слезами; „естьли даже до сего мгновенія „размышлялъ я съ великою радо- „стію моей души и съ охотою „очесъ о твоемъ законѣ: то буди „моимъ помощникомъ въ теперишн- „ній часъ ужаса. Число дней мо- „ихъ можетъ быть скоро окон- „чится. Я зрю уже мрачную мо- „гилу и страшнаго Ангела смер- „ти готовыми встрѣтить меня. „Помысли, сколь тверда на тебя

„моя вѣра: единъ есть Богъ, и ты „его Пророкъ.

Послѣ сей молитвы всталъ Султанъ, и, обратившись къ Ацибу, говорилъ: „ Сынъ Гедамовъ! я хочу послать тебя въ дальній путь: приклони главу свою! „ Отецъ Мусульмановъ, отвѣчалъ Ациба, въ самой вещи путь продолжителенъ и безъ надежды возвращенія, и всѣ мы должны ожидать въ сіе или другое время пуститься въ оной: но Всемогущій и благій Богъ да умножитъ число лѣтъ твоихъ! „ Выговоривъ сіи слова, простеръ опасному удару выю свою. Султанъ, обнаживъ саблю, возвысилъ смертоносную руку; но вмѣсто отдѣленія Ацибовой главы отъ тѣла, вложилъ ее въ ножны, и сія неожиданная милость произвела въ предстоящихъ

гром-

громкій радостный крикъ. Ациба въ первый разъ открылъ опять глаза свои, которые мракъ, предшественникъ смерти, готовъ былъ затворить. Тутъ Султанъ, съ ласковымъ видомъ обнявъ его, посадилъ противъ своего трона между Нараномъ и Сераскиромъ, и последнему далъ знакъ мановеніемъ начать рѣчь.

Государь мой! такъ говорилъ Визирь, я видѣлъ, и говорилъ съ однимъ человѣкомъ, который, будучи триста сорока лѣтъ, могъ жить вдесятеро болѣе. Въ последнюю войну найденъ онъ въ лагерѣ Голкондскаго Короля изнемогающимъ въ оковахъ, и побѣда одержанная Вашимъ Величествомъ была желаннымъ мгновеніемъ для освобожденія сей особы. Онъ находился у меня три дни, и едва

достало оныхъ на повѣствованіе приключеній и перемѣнъ видѣнныхъ имъ въ теченіе продолжительной его жизни. Наконецъ, почитая за излишнее долѣе держать его при себѣ, далъ я ему десять рупиновъ, съ свободою итти, куда ему угодно. Онъ родомъ былъ изъ Бенгалы, и называли его только Бенгальскимъ старцемъ. Глаза имѣлъ глубоко впадшіе въ голову, голосъ свѣтлый, волоса и бороду порядочно разчесанные и бѣлизною похожіе на снѣгъ. Хотя чело его было наморщенное, однако лице было оживлено нѣжно цвѣтущею краскою юноши, и каждый взирающій на него примѣчалъ въ зрѣніи его остроту, которая есть естественное послѣдствіе совершеннаго здравія. Какъ я спросилъ его, чрезъ какое средство достигъ онъ

до толь глубокой старости: то отвѣчалъ, что его отецъ, будучи шести сотъ пятидесяти лѣтъ, оставилъ ему въ наслѣдство три скляночки воды почерпнутой изъ источника, находящагося на островѣ Борико, силою которой молодѣетъ онъ уже въ третiй разъ. Я со всевозможною осторожностiю далъ ему выразумѣть мое желанiе, узнать отъ него, въ какой части свѣта лежитъ островъ Борико, и позволено ли почерпать сiю произтекающую изъ источника жизни воду и увозить съ собою. Но онъ божился, что не въ состоянiи отвѣчать мнѣ ни на первый ни на второй вопросъ, и что сверьхъ того онъ также дѣлалъ подобные вопросы отцу своему: но столь же мало могъ получать на оные довольный отвѣтъ. Послѣ того

еще

еще неотступнѣе я просилъ открыть мнѣ, чрезъ какое средство досталъ отецъ его сію удивленія достойную воду: но онъ упорно стоялъ въ томъ, что то былъ подарокъ здѣланный отцу его отъ Бога Вихну, которому онъ жертвовалъ долгое время. Вотъ все то, что могъ я узнать отъ сего человѣка! Столь неправдоподобное повѣствованіе ни мало не привело его у меня въ презрѣніе; ибо хотя я превращалъ вопросы по своей волѣ, но онъ всегда повѣствовалъ то же.

По окончаніи повѣсти Серасниромъ, Султанъ, смотря впеременно на Ациба, говорилъ ему: „Сынъ „Гедамовъ, естьли не могло устрашить тебя путешествіе, которымъ я угрожалъ тебѣ: то какъ „можешь бояться итти въ мою

 „услугу

„услугу на островъ Борико? Могущественнѣйшій Государь! отвѣчалъ Ацыба, я ни чего не боюся на сей землѣ, кромѣ тебя. Я съ сего мгновенія пущусь во всѣ страны пространнаго свѣта, и естьли не принесу съ собою желаемой тобою воды: то отдѣли главу мою отъ тѣла, и прекрати жизнь твари, которая недостойна болѣе оной. Послѣ того Султанъ, приложивъ къ устамъ всѣхъ присудствующихъ священную печать молчанія, приказалъ Великому Визирю приготовить всѣ нужныя разпоряженія къ Ацибову путешествію.

Едва слѣдующаго дня Аврора совлекла покрывала утра, и украсила верхи горъ блестящимъ пурпуромъ, Ациба, оставивъ городъ Агру, присоединился къ каравану, шедшему въ Кампайю. Хотя мало

ло везъ онъ съ собою дорожныхъ уборовъ, и былъ одѣтъ какъ простый купецъ: однако золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ имѣлъ при себѣ больше, нежели чего стоитъ иный знаменитый городъ. Онъ обыкновенно нѣсколько отставалъ отъ прочихъ товарищей, дабы съ совершенною свободою предаться своимъ мыслямъ, и выдумывать средства, какъ данное повелѣніе наилучшимъ образомъ исполнить. Тѣмъ болѣе углублялся онъ въ размышленія, чѣмъ болѣе увѣрялъ себя, что не возможно успѣть въ своемъ предпріятіи; и потому почиталъ свое путешествіе изгнаніемъ изъ отечества. „Я намѣренъ, такъ говорилъ онъ самъ съ собою, скитаться по неизвѣстнымъ мѣстамъ, дабы найтить источникъ, котораго можетъ быть нигдѣ дѣйстви-

ствительно нѣтъ. И положимъ, что дѣиствително оный существуетъ: то также неизвѣстно мнѣ, подъ какимъ климатомъ онъ лежитъ. Можетъ быть я нахожусь теперь прямо противъ его, и съ каждымъ шагомъ удаляюсь отъ источника!„ Между тѣмъ сіи разсѣянныя мысли уступили пріятнымъ представленіямъ, и наконецъ принялъ онъ твердое намѣреніе или найти источникъ, или совершенно увѣрить себя, что самое должайшее исканіе будетъ тщетно. Послѣдуя за симъ караваномъ еще менѣе трехъ дней, примѣтилъ, что не онъ одинъ убѣгаетъ прочихъ товарищей, дабы предаться собственнымъ своимъ мыслямъ. Нѣкоторый юноша прелестнаго вида и богато одѣтый еще ревностнѣе самимъ собою занимался.

Естьли

Естьли мы, будучи въ нещастіи, находимъ людей сражающихся съ подобными обстоятельствами: то нѣкоторымъ образомъ всегда служитъ то къ облегченію нашей печали. Ациба, нашедъ такого товарища, несравненно былъ доволенъ; и тотчасъ вознамѣрился открыть оному причину и намѣренія своего путешествія, надѣясь, что можетъ быть онъ будетъ въ состояніи или дать ему нужное наставленіе, какой взять путь, или поможетъ подтвердить свое подозрѣніе, что никогда не бывало въ натурѣ такого источника.

И такъ Ациба, приближившись къ юношѣ, по нѣсколькихъ всеобщихъ разговорахъ, началъ говорить такъ:„ Другъ мой! я узнаю, „что сердце твое стенаетъ подъ „угнѣтающею рукою судьбы. Моя

„душа подобно страждетъ. Откроемъ одинъ другому свойство и „причину печали. Можетъ быть „совѣтъ одного будетъ другому „благъ и спасителенъ. Какъ скоро Зеба, симъ именемъ назывался юноша, съ радостію согласился на его предложеніе: то Ациба открылъ ему повелѣніе, которое получилъ онъ отъ своего Султана, и тутъ же далъ изъ себя примѣтить, что онъ Борикскій источникъ и повѣсть объ ономъ почитаетъ за точную химеру.

Зеба слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ повѣсть Ацибову, и по нѣсколькомъ молчаніи сказалъ: „Другъ мой! Я нечаянно получилъ извѣстіе о мѣстѣ удивленія достойнаго источника, которое съ великою охотою сообщу тебѣ.

Я единородный сынъ Рефана, славнѣйшаго Ширасскаго врача. Не нужно увѣдомлять тебя, что юношество въ семъ городѣ единственно забавляется пляскою и музыкою. Въ одинъ вечеръ, когда жаръ того годоваго времени содѣлалъ ночь пріятнѣе дня, я оставилъ домъ отца моего, дабы наслаждаться прохладнымъ Зефиромъ, и, идучи по улицѣ, игралъ на флейтѣ. При Возвращеніи домой услышалъ я, что въ однихъ прекрасныхъ палатахъ отворилось окно, и когда устремилъ я туда глаза; то увидѣлъ при свѣтѣ луны, которая на сей разъ имѣла чистѣйшее и превосходнѣйшее сіяніе, удивительную красавицу, слушавшую мою музыку съ великимъ вниманіемъ. Будучи симъ приключеніемъ весьма доволенъ, я остано-

вился, и непрежде перестал̂ играть на флейтѣ, как̂ сія прелестная красавица удалилась от̂ окна; я наиточнѣйшим̂ образом̂ примѣчал̂ сей дом̂, твердо намѣреваясь в̂ слѣдующій вечер̂ опять туда пріити играть. Но когда подходил̂ я к̂ дому отца моего: то коснулся ушей моих̂ свист̂, который привел̂ меня в̂ величайшее смятеніе. Обратившись узрѣл̂ я человѣка, поспѣшно на меня идущаго, который в̂ лѣвой рукѣ держал̂ лук̂, а в̂ правой долгое копье. Подходя ко мнѣ, возопил̂ он̂: измѣнник̂! Хотя я тебя с̂ одного раза не убил̂: однако в̂ другой щастлив̂ буду. Видя, что он̂ только один̂, я ободрился, вынул̂ свою саблю, и дал̂ ему, выдержав̂ удачно его нападеніе, двѣ раны в̂ голову.

Он̂

Онъ, упавъ на землю, просилъ помилованія своей жизни, и сказалъ мнѣ, что онъ сынъ Ширасскаго Бассы. Тутъ послалъ я немедлѣнно за лѣкаремъ, и, опасаяся лютости его отца, не осмѣлился долѣе пребывать въ городѣ; я принужденъ былъ, взявъ лошадь и денегъ, удалиться.

Я продолжалъ ѣхать по большой дорогѣ до тѣхъ поръ, пока утомленныя мои силы не обходимо потребовали успокоенія. И такъ, своротивъ съ дороги, поѣхалъ небольшею тропинкою между двухъ горъ, которая окончилась въ маленькомъ лѣсѣ. Тамъ, сошедъ съ лошади, и привязавъ ее къ кедровому суку, легъ подъ обширною тѣнію дикаго пальма, и спалъ до той поры, какъ заря поздравила землю своими животворными лучами.

чами. Пробужаясь весьма я изумился, слыша голосъ нѣкотораго человѣка, говорящаго слѣдующія слова:

„Чадо! теперь насталъ тотъ „драгоцѣнный часъ, въ который „Геній подъ различными видами „представляютъ себѣ видимыми „Государей, господствующихъ съ „правосудіемъ и милостію, и ти„ранновъ заслуживающихъ наказа„ніе. Естьли ты, чадо! можешь „столь же ясно, какъ я, предви„дѣть сіе мгновеніе: то узришь, „какъ нѣкоторые трудятся въ „темныхъ тѣняхъ Мецандры, „стараясь выгнать львовъ и ти„гровъ изъ ихъ логовищь для бе„зопасности невинныхъ; ты уди„вишься другихъ способности, со„дѣлывать гидръ и хищныхъ

„птицъ ручными и общежитель-
„ными.

Слыша столь чрезвычайный разговоръ, вскоръ побудило меня любопытство видѣть ту особу, отъ которой произходилъ оной. Я весьма тихо подкрадывался къ голосу, переходя отъ одного дерева къ другому, даже до весьма густыхъ лавровыхъ кустовъ, гдѣ и сокрылся; оттуда, не опасаясь, что примѣтятъ меня, увидѣлъ достопочтеннаго старца, облеченнаго въ долгую темноцвѣтную одежду, и съ боку его младую дѣвицу, всю покрытую желтымъ флеромъ, выключая лице и руки. Глаза ея были устремлены съ скромными взглядами на старца, и по видимому съ великимъ вниманіемъ она слушала его рѣчь. Наконецъ я имъ показался, и тѣмъ пресѣкъ

ихъ разговоръ. Какъ скоро примѣтили меня, то юная дѣвица покрыла лице свое флеромъ, и старецъ воставъ подошелъ ко мнѣ. „Достопочтенный отецъ, такъ „началъ я говорить, ты видишь „путешественника весьма изну„реннаго гладомъ и усталостію и „принужденнаго просить твоей по„мощи„. Клянусь Аліемъ, отвѣчалъ ласковымъ голосомъ старецъ, что я принимаю тебя сердечно. Мудрые никогда не были негостелюбительны. Милость, которую окажу тебѣ, послужитъ дочери моей новымъ наставленіемъ. Поди, успокойся въ нашемъ уединенномъ жилищѣ, а чрезъ часъ и мы къ тебѣ будемъ! И въ тоже время показалъ мнѣ тропинку, которая по различнымъ изгибамъ привела меня къ пещерѣ.

Не взирая на весьма узкій и темный входъ, внутренняя часть сея пещеры была довольно свѣтла, и заключала въ себѣ разныя комнаты. Невольникъ, коему открылъ я свою нужду и похвальныя намѣренія его господина, тотчасъ предложилъ мнѣ сушеныя виноградныя ягоды, миндаль, свѣжіе финики, хлѣбъ и превосходный сокъ, выжатый изъ зеренъ тополя. Занявшись удовольствованіемъ требованій природы, просилъ я сего невольника поискать мою лошадь, описавъ ему сколько возможно лучьше мѣсто, гдѣ оставилъ ее; и онъ удовлетворилъ моему желанію. По насыщеніи себя пищею и питіемъ, любопытство побудило меня осмотрѣть всѣ углы сего столь чрезвычайнаго и уединеннаго жилища. Самая отдаленная пустота

та сей пещеры былЪ кабинетЪ наполненный книгами, талисманами и фигурами всякаго рода растѣній и звѣрей. ТутЪ увеселяясь долгое время, когда обратилЪ я свой взорЪ на другой уголЪ пустоты: то примѣтилЪ на каменной стѣнѣ состоящую вЪ золотыхЪ буквахЪ слѣдующую надпись: „Читатель! кто бы ты ни былЪ, „кому позволено приближиться кЪ „сей сокровенной пустынѣ, разсуди о семЪ и умудрись. Почитай Высочайшее Существо; ищи „премудрости; люби милосердіе „и сострадательность, и будь за„щитникомЪ невиннаго. — Тогда „продлятся лѣта твои безЪ помо„щи Борикской воды.„ — Когда прочелЪ я сію надпись со всякимЪ вниманіемЪ: то приближившись ко мнѣ, достопочтенный СтарецЪ

сказалЪ: „

сказалъ:,, Любезный сынъ! начер-
,,тай наставленіе сей надписи на
,,дскѣ памяти твоей жизненными
,,буквами,,.——Я, поблагодаривъ
его за сіе пріятное напоминовеніе;
пожелалъ узнать отъ него, что
разумѣть должно подъ Борикскою
водою? ,,Сынъ мой! отвѣчалъ онъ,
,,въ Королевствѣ Зофела, что въ
,,Африкѣ, лежитъ великое море;
,,на срединѣ котораго находятся
,,различные острова, и особенно
,,одинъ величайшей окружности,
,,нежели прочіе, названъ Борико.
,,На семъ островѣ произтекаетъ
,,источникъ, имѣющій удивленія
,,достойное свойство; піющіе изъ
,,него получаютъ опять силы и
,,бодрость своей юности. Вокругъ
,,сего источника цвѣтутъ поряд-
,,комъ превосходнѣйшія дерева, на-
,,полняющіе воздухъ ароматиче-

 ,,скимъ

„скимъ запахомъ и весьма обремененные лучшими плодами. Но „входъ къ сему источнику стерегутъ Леопарды такъ, что почти „невозможно приближиться къ „оному.

Когда окончалъ старецъ повѣсть о сей тайнѣ: я, снова повторивъ мою благодарность за его ласку и гостепрiимство, откланялся ему, сѣлъ на лошадь, которую невольникъ довелъ даже до входа въ пещеру, и скитался долгое время по пустынямъ и неизвѣстнымъ странамъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ удалось мнѣ напасть на сей караванъ, и найти въ ономъ товарища въ моемъ нещастiи.

Ациба, слушая съ крайнимъ вниманiемъ Зебово повѣствование, впалъ отъ столь не ожиданнаго открытiя въ прiятнѣйшее изумленiе,

и принялъ намѣреніе направить свой путь въ Африку, дабы искать тамъ Борикскаго источника.

Когда достигли они до Камбаи: то Зеба извѣстился, что сынъ Шираcскаго Бассы нетолько выздоровѣлъ отъ своихъ ранъ, но и сверьхъ того учинился его другомъ. Какъ скоро получилъ онъ сіе пріятное извѣстіе: то мгновенно поворотилъ на дорогу, ведущую къ Ширасу. Ацибa напротивъ того старался найти корабль, и приплылъ ко брегамъ Африки. По долговременномъ и скучномъ исканіи по волнующимся морямъ и дикимъ пустынямъ наконецъ удалось ему открыть море, на срединѣ котораго лежалъ островъ Борико.

Достигши до береговъ сего моря, просилъ онъ нѣсколькихъ рыбаковъ, отвесть его на оный

 островъ,

островЪ. Они всячески старались, отвлечь его отЪ столь безразсуднаго предпріятія, увЂряя, что сей островЪ населяютЪ дикіе звЂри, которыхЪ невозможно ему избЂгнуть. Но всЂ сіи побужденія нимало не могли подЂйствовать на Ациба; онЪ упорно стоялЪ вЪ своемЪ намЂреніи. Рыбаки, видя, что тщетно было бы долЂе ему противиться, отвезли его на сей островЪ.

ОнЪ прошелЪ большую часть острова тщетно, ища спасительнаго источника, и исполненный отчаянныхЪ мыслей, когда-либо достигнуть до своего намЂренія, легЪ вЪ одной долинЂ подЪ тЂнію пальмоваго дерева, и впалЪ вЪ тихій сонЪ. Проснувшись увидЂлЪ онЪ прекрасную женщину вЪ короткомЪ прелестномЪ одЂяніи, кЪ нему прибли-

приближающуюся, которая съ пріятною улыбкою и обворожающею кротостію спросила его, чего ищетъ? Онъ сообщилъ ей извѣстіе, о повелѣніи своего Султана, и о причинахъ побудившихъ его пріитти туда искать спасительнаго источника. „Естьли ты, отвѣчала она, „не сохранишь моихъ словъ: то „самъ будешь виною, когда не „успѣешь въ твоемъ предпріятіи.

„Вышедъ изъ сей долины, найдешь кристальный источникъ, на „краю онаго обрѣтешь маленькій „подобной небесной лазури кремень; подыми его осторожно, и „потомъ послѣдуй теченію кристальной воды до тѣхъ поръ, пока достигнешь рѣки; тогда направь путь свой вдоль берега „оной, даже до раздѣленія ея на „два рукава, которые обтекаютъ

„островъ, или лучьше сказать, садъ, „и посреди-то сего произтекаетъ „спасительный източникъ. На „рукавѣ рѣки, который лежитъ „ближе къ нашей сторонѣ, здѣланъ „мраморный мостъ, переходъ ко- „его стерегутъ двацать четыре „Леопарда. Подошедъ къ оному, „возьми кремень въ зубы, и ступай „по немъ съ неустрашимостію; „ибо сей камень учинитъ тебя не- „видимымъ. Наконецъ, когда до- „стигнешь источника, возвращаю- „щаго молодость: то, почерпнувъ „изъ онаго воды, сколько тебѣ у- „годно, немедлѣнно возвратись. „Но весьма опасайся ѣсть плоды, „которые будутъ подавать тебѣ „дерева въ кругломъ порядкѣ око- „ло источника разпустившіеся отъ „своихъ весьма обремененныхъ „сучьевъ„. Дѣвушка, выговоривъ сіи

слова

слова, изчезла, а Ациба направилъ свое шествіе по данному наставленію.

Источникъ, кремень, рѣка, мостъ, Леопарды, все по порядку показалось его глазамъ. Приближившись по переходѣ моста къ саду, онъ встрѣченъ былъ бальзамическими благовоніями, испускаемыми безпрестанно въ испареніяхъ отъ цвѣтовъ и прекрасныхъ плодовъ, которые привели его въ неизреченное восхищеніе. Близъ источника находилось дерево превосходящее прочихъ вышиною, которое имѣло плоды столь прелестнаго вида, что плодовитѣйшая сила воображенія едва можетъ что-нибудь образовать стольже плѣняющее. Ациба не могъ долѣе противиться искушенію; онъ, выпустивъ изъ устъ своихъ кремень,

сорвалЪ плодЪ, и началЪ оный отвѣдывать. ВкусЪ былЪ изряденЪ и обворожающей сладости. Но сколь кратно было сїе удовольствїе! Леопарды, сверкающїе на него лютыми своими очами, устремились бѣжать кЪ нему скорѣе молнїи; и уже хотѣли алчными зубами разтерзать его на части, какЪ нечаянно дѣвица, направившая стопы его кЪ сему источнику, появилась. ТотчасЪ жаждущїе добычи звѣри возвратились вЪ свои мѣста; а Ациба палЪ предЪ ногами сей дѣвицы, стараясь изЪявить раскаянїе свое и благодарность. „Теперь, такЪ на„чала говорить она, ты потерялЪ „всю надежду щастливаго послѣд„ствїя; познай свое преступленїе, „и препроводи остальные дни во „уединенїи.„—ВыговоривЪ сїи слова, взяла она его за руку, перевела

чрезЪ

чрезъ мостъ, и приказала возвратиться прежнимъ путемъ, которымъ онъ прешелъ, и положить лазоревый кремень на прежнее мѣсто на краю кристальнаго источника. Лишь только онъ все сіе изполнилъ, какъ вся страна изчезла предъ его глазами. Ни моста, ни рѣки, ни источника и ни обвожающихъ деревъ не стало больше видно, и къ величайшему его изумленію находился онъ на верьху горы Арафата.

Тако нещастный Ациба лишился отъ собственной своей глупости щастія, лишь только простеръ руку къ предмѣту, искомому имъ съ столь многоразличными трудностями.— Изъ сего научись, сынъ мой, укрощать страсти свои и прихоти. Ибо естьли однажды возмутъ онѣ надъ нами верьхъ:

то заключенія, усильное стараніе и постоянство во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ будутъ тщетны. Здравіе, честь и достоинство будутъ пренебрежены, и принесутся во пріятную жертву недостойнымъ страстямъ, и мы уподобимся Ацибу; мы за желаніе, мгновенно наслаждаться приманчивымъ кускомъ, утратимъ навсегда спасительную Борикскую воду.

ОТДѢЛЕНІЕ 6.

Оправданный путь провидѣнія.

Абдалагъ Египетскій Калифъ наслаждался многіе годы подъ шелковымъ покрываломъ удовольствія совершеннымъ спокойствіемъ, и въ каждое утро умащалъ главу свою елеемъ радости; какъ среди наслажденія

жденія щастіемъ единородный сынъ его Аборамъ, для котораго умножалъ онъ свои сокровища золотомъ, разпространилъ завоеваніями предѣлы своего Государства, и укрѣпилъ оные непобѣдимыми окопами, будучи раненъ на охотѣ стрѣлою отъ сокровенной руки, испустилъ свой духъ на открытомъ полѣ.

Абдалагъ, будучи отъ скорьби и отчаянія внѣ себя, никогда не хотѣлъ возвратиться въ свой дворецъ; онъ сокрылся въ мрачнѣйшую пещеру близъ горы. Тамъ обвалявшись въ прахѣ, и выдравъ изъ своей снѣгоподобной брады волоса, съ смущеніемъ отринулъ чашу утѣшенія, которую подавало ему терпѣніе. Пѣвцы и музыканты не дерзали приближиться къ нему; онъ внималъ токмо крику печальныхъ

ныхъ совъ и полночныхъ птицъ, живущихъ въ каменныхъ разсѣлинахъ, и скитающихся, подобно скрывающимся днемъ разбойникамъ, только ночью.

„Возможно ли, возопинъ онъ, „того Бога именовать милостивымъ, который, такъ какъ изъ „скрытной засады, уязвляетъ душу нечаянною печалїю, и который „мгновенно повергаетъ творенїе „свое въ неизцѣльную бѣдность. „Обманывающїе Иманы, не дурачьте насъ болѣе суетными разказами о правосудїи и милосердїи „всеоживляющаго и всемогущаго „провидѣнїя! —— Тотъ, о коемъ „вы сказываете, что управляетъ „небомъ, толико удаленъ отъ защищенїя сострадания достойныхъ „человѣковъ, что наипаче находитъ непрестанное свое удоволь-

„ствїе

,,ствіе въ томъ, чтобы благословлять пріятнѣйшіе цвѣты въ саду надежды, когда они теперь
,,начинають изъ развертывающихся
,,своихъ почекъ изпускать бальзамическія благовонія, и подобно
,,убійственному исполину низлагаетъ желѣзнымъ млатомъ гнѣва
,,своего найтвердѣйшіе столпы благополучія. Естьли бы сіе Существо имѣло оную благость и
,,власть, каковыми ласкательствующіе первосвященники украсили
,,его: то безъ сомнѣнія желало бы
,,и старалось оно отвращать тѣ
,,зла, которыя содѣлываютъ свѣтъ
,,мрачною темницею печали и бѣдности, и долиною суеты и плача.
,,— Заключеніе здѣлано: я не останусь долѣе при оныхъ мысляхъ.

Вдругъ поднялъ было онъ свою руку, которую отчаяніе вооружило

оружило кинжаломЪ, дабы глубоко вонзить оныи вЪ грудь свою: какЪ внезапно свѣтлоблестящіи пламень, проникнувЪ вЪ пещеру, разпространился, и Существо превыше человѣческой красоты и лица, вЪ небесной одеждѣ, имѣя на головѣ изЪ АмарантовЪ сплетенную корону, и вЪ правой рукѣ немного впередЪ выдавшуюся пальмовую вѣтвь, предстало его взору, и, устранивЪ смертоносную трепещущаго Калифа руку, сЪ величественною улыбкою стало говорить ему такЪ: „Слѣдуй за мною на верьхЪ сей „горы!

„Смотри отселѣ, сказалЪ сей „почтеніе привлекающій вожатый, „я есмь КаломЪ, АнгелЪ мира, смо„три отселѣ вЪ долину„.

АбдалагЪ взглянулЪ и увидѣлЪ безплодный, обгорѣлый и пу-

стый островЪ, и посреди онаго блѢдную, изсохшую фигуру похожую на привидѢніе. То былЪ купецЪ, погибающій отЪ глада и жалующійся на свою судьбу вЪ томЪ, что вЪ сей уединенной и необитаемой пустынѢ не могЪ онЪ найти ни горсти ягодЪ, ни глотка воды. ОнЪ сЪ рыданіемЪ просилЪ защищенія неба противЪ дикихЪ звѢрей угрожавшихЪ ему скорою смертію; ибо связка дровЪ, собранныхЪ имЪ для устрашенія оныхЪ, ночнымЪ огнемЪ была сожжена. ВЪ то же самое время бросилЪ онЪ остальную коробочьку сЪ драгоцѢнными каменьями, какЪ безполезныя малости, на песокЪ. Будучи слабЪ и трепещущь, пошелЪ онЪ на холмЪ, гдѢ привыкЪ сидѢть всякой вечерЪ, и даже до возхожденія солнца строго наблюдать, не приближиться

ся ли по случаю какой корабль къ сему острову, которому бы могъ онъ подать знакъ.

„Обитатель неба, возопилъ „Абдалагъ, не попусти погибнуть „сему нещастному отъ лютости „дикихъ звѣрей!„ Буди спокоенъ, сказалъ Ангелъ, и примѣчай!

Возведъ снова глаза свои, увидѣлъ онъ корабль изъ дальняго моря пристающій къ пустому острову. Какія слова могутъ изразить восхищеніе купца изнуреннаго гладомъ, когда услышалъ отъ Капитана корабля предложеніе, что онъ за половину драгоцѣнныхъ камней отвезетъ его въ отечество. Но сей безчеловѣчный не прежде взялъ требуемое, какъ посовѣтовавъ съ своею хищною чернью. Послѣ чего вознамѣрился овладѣть прочими драгоцѣнными камнями того купца;

ца, и потомъ оставить сего нещастнаго въ томъ же безпомощномъ и жалостномъ состояніи, въ которомъ они нашли его. Купецъ сколько ни просилъ, ни плакалъ и ни заклиналъ разбойниковъ, чтобъ не оставляли его въ сей бѣдности: но вся прозьба была тщетна.

„Попуститъ ли небо учиниться „такой несправедливости? вскри„чалъ Абдалагъ.——Возведи опять очи твои, говорилъ Ангелъ, и разсуждай о томъ же кораблѣ, на который ты, недальновидный, желалъ принятъ быть купцу. Зри, какъ онъ о тѣ камни разбивается на части. Не слышишь ли жалостнаго крика утопающаго корабельнаго народа? Купецъ, о которомъ соболѣзнуешь, будетъ спасенъ отъ сей ужасной пустыни; но не такимъ образомъ, какой ты предпи-

сываешь. Скупость его причиною тому, что онъ учинился, не только ненавистнымъ, но и весьма нещастнымъ. Онъ имѣлъ величайшее пристрастіе къ богатствамъ, которыя, подобно Абдилову бичу, могутъ каждаго наполнить глупою горячностію возходящаго желанія, и отвратить каждый низлагающій ужасъ. Теперь научился онъ не только презирать сіи богатства, но и совсѣмъ отвращаться оныхъ. Онъ повергъ на песокъ свои драгоцѣнные камни, и позналъ ихъ безполезность. Обѣщавъ часть оныхъ корабельщикамъ, узналъ сколь они для него опасны. Теперь дѣйствительно научился, что оные полезными или безполезными, благими или злыми могутъ учиниться единственно отъ разположенія и склонностей ихъ обладателя. Щастливъ,

стливъ, кто въ училищѣ нещастія научился премудрости! Но обрати теперь взоръ свой на другое и несравненно важнѣйшее зрѣлище!

Вдругъ Калифъ увидѣлъ великолѣпныи домъ, и въ немъ здѣланные изъ асписа статуи предковъ своихъ. Мамонтовыя двери сего дома висящіе на крюкахъ Голкондскаго золота представили зрѣнію діамантовый престолъ окружаемый Князьями пятидесяти народовъ и Послами въ различныхъ одѣяніяхъ и различныхъ обычаевъ и нравовъ. На семъ престолѣ сидѣлъ Аборамъ столь болѣзненно оплаканный сынъ Абдалаговъ, а съ боку его сидѣла Принцесса прекраснѣе Гуріи.

„Милосердый боже! это сынъ „мой, вскричалъ Калифъ: позволь „мнѣ, да прижму его къ моему „сердцу!——Какъ ты можешь об-

нять тѣнь, отвѣчалъ Ангелъ. Я теперь покажу тебѣ, какой былъ бы жребiй сына твоего, естьли бы онъ долѣе пребылъ на землѣ.—— Такъ для чего, спросилъ Абдалагъ, для чего не позволено ему долѣе пребывать на землѣ? Для чего возбранено мнѣ быть свидѣтелемъ столь великаго благополучiя и столь могущественной власти?— Примѣчай послѣдствiя, отвѣтствовалъ Ангелъ пятаго неба.

Абдалагъ, возведъ очи свои на сына, увидѣлъ тутъ лице его, на которомъ прежде обыкновенно созерцалъ онъ цвѣтущую тихую улыбку невинности и свѣжую краску здравiя, снѣденное чертами лютости, и бывшiе его прежде величественные и прiятные взоры отъ заглушающаго пьянства содѣлавшимися безчувственными и онѣ-

мѣлыми, и повидимому то оживлялся онъ тиранскою кичливостiю, то ослабѣвалъ отъ неумѣренности. Руки его обагрены были кровiю. Иногда трепеталъ онъ отъ страха, иногда отъ бѣшенства. Домъ, блиставшiй какъ бы восточнымъ великолѣпiемъ, нечаянно превратился въ узкое пространство мрачной темницы, гдѣ Аборамъ, имѣя руки и ноги окованные съ завязаннымъ ртомъ и выколотыми глазами лежалъ на голой землѣ. Вскорѣ потомъ появилась Султанша его любимица, сидѣвшая недавно предъ тѣмъ по правую руку престола, держа въ рукѣ наполненный ядомъ сосудъ, который принудила она его выпить; потомъ вышла за мужъ за его преемника.

„Благополученъ тотъ, говорилъ Калокъ, котораго провидѣ-

 „нiе

„ніе посредствомъ Ангела смерти
„отвело отъ беззаконія, и такимъ
„образомъ ограничило власть, ко-
„ею имѣющій оную навлекъ бы
„гораздо большую бѣдность и пе-
„чаль на самаго себя, нежели ко-
„гдалибо могъ причинить оную
„другимъ.

„Довольно, возопилъ Абда-
„лагъ. — Я почитаю, глубоко по-
„вергшись во прахъ, неизслѣди-
„мый путь всевѣдѣнія! — Отъ ка-
„кихъ гнусныхъ золъ избавленъ
„сынъ мой смертію, которагo я
„безразсудно оплакивалъ, яко не-
„щастнаго и рановременно скон-
„чавшагося! Смерть, исполненная
„невинности и мира, посредствомъ
„тебя память его пребудетъ на
„земли вѣчно благословенна; ты
„доставила душѣ его небесныя ве-
„селія!

И

И такъ повергни кинжалъ, сказалъ небесный вѣстникъ, приготовленный тобою для вонзенія въ собственную грудь; перемѣни жалобы свои въ молчаніе и сомнѣніе въ молитву. — Можетъ ли смертный безъ обморока и изумленія смотрѣть въ безконечную бездну вѣчной премудрости? Можетъ ли духъ, не проникающій въ безконечность, понять то совершенно, что закрыто безконечными другими вещами и гдѣ необходимо одна къ другой стремится? Могутъ ли вырытые тобою каналы захватить выходящую изъ береговъ воду Нила, и вмѣстить въ себя воду великаго океана? Вспомни, что не можно даровать твари совершеннаго благополучія. Ибо совершенное благополучіе есть такое качество, кото-

рое столь же мало можетъ сообщено быть тварямъ, какъ Всевысочайшая власть и вѣчное существованіе.

Выговоривъ сіи слова, Ангелъ разпростеръ крылья свои для отлета въ воздушныя страны, и шумъ оныхъ былъ подобенъ шуму падающей съ пороговъ воды.

ОТДѢЛЕНІЕ 7.

Печальныя слѣдствія желанія мстить.

Ничто не можетъ болѣе унизить смертныхъ, какъ желаніе мщенія. Великая слава для человѣческаго рода и истинный образъ Творца есть человѣколюбіе; побужденіе не только быть самому щастливымъ, но и другихъ содѣлывать

вать таковыми. Сія благородная склонность утрачивается при желаніи мщенія. Тотъ, котораго право защищенія простирается до науки вредить, превращаетъ самую невинность въ обиды и несправедливость. Таковый поступокъ есть желанія мстить; поступокъ противный какъ должностямъ въ разсужденіи другихъ, такъ и должности въ разсужденіи насъ самихъ. Щастіе, которое долженъ я защищать отъ нападеніи соперника, нимало недостойно того, чтобъ я подумалъ за оное погубить моего оскорбителя. Всѣ нападенія его могутъ только коснуться случайныхъ моихъ благъ; но истиннаго щастія, щастія душъ никто посторонній не можетъ лишить. Покраинѣй мѣрѣ благоразуміе можетъ укрѣпить меня в

владѣніи моими благами, безъ предупрежденія будущихъ возможныхъ обидъ моего соперника настоящими дѣйствительными обидами; а хотя бы иногда и сіе невозможно было: однако истинно благородный лучше согласится понесть небольшую утрату въ своей невинности, нежели быть самому тѣмъ, который старается о погибели своего собрата. Желающій предупредить местію новыя обиды своего соперника, повидимому споритъ токмо съ онымъ о нещастномъ преимуществѣ, кто изъ обоихъ способнѣе человѣка благороднаго, и часть творенія опредѣленную къ благополучію, учинить нещастною.

Другая причина желанія мстить еще гораздо подлѣе. Сколь долго пребудетъ мнѣніе, что можно

жно посредствомъ мщенія удержать во владѣніи свое временное щастіе, столь долго будутъ низкія души находить мнимую причину для своего желанія мстить. Ибо онѣ будутъ желать посредствомъ того всегда наслаждаться тѣмъ щастіемъ, которое ихъ заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ разумъ почитаетъ единственнымъ щастіемъ. Но содѣлать собрата нашего для того нещастнымъ, дабы имѣть въ собственномъ своемъ нещастіи сотоварища, есть самое достойное отвращенія дѣло, которое мугутъ люди учинить. Естьли разсудить о семъ родѣ желанія мстить съ той самой стороны, съ которой онъ единственно прельщаетъ людей; естьли разсудить о немъ со стороны самолюбія: то ничего не найдемъ въ немъ непро-

тивнаго истиннымъ чувствованіямъ человѣчества. Естьли я нещастливъ: то какая мнѣ польза, что еще другой таковъ же? Нещастіе всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто трогательное; самое сердце человѣческое, когда оно постигаетъ другаго, мятется отъ того. Такъ надлежитъ ли мнѣ быть тѣмъ, который своимъ желаніемъ мщенія скопляетъ для всего человѣческаго рода примѣры нещастія? Въ самой вещи человѣкъ, содѣлывающій ближняго своего нещастнымъ, оскорбляетъ весь родъ. Онъ дѣлаетъ по своей возможности гражданина свѣта неспособнымъ служить ему, и преимущественно умножаетъ печальныя картины человѣческой бѣдности.

Любезный Гали! Я довольно знаю, что у многихъ изъ смертныхъ

ныхъ внутренняя нравственность поступковъ бываетъ токмо слабою побудительною причиною, естьли страсти ихъ тому противятся. Но симъ людямъ по крайнѣй мѣрѣ надлежало бы трогаться полезнѣйшимъ. Правда, мщеніе не можетъ содѣлать человѣка совершенно нещастнымъ: но весьма часто пріуготовляетъ ему будущее паденіе. Когда мы отмщаемъ за обиду: то подаемъ другимъ примѣръ отмщать также и намъ, естьли ихъ обидимъ. Я незнаю такого человѣка, который бы никогда не обидѣлъ другаго. Поспѣшность и неосторожность можетъ перемѣниться въ обиду. Да и кому нежелательно примириться съ соперникомъ имъ обидимымъ? Столь изящно миролюбіе, и въ такомъ совершенствѣ имѣетъ въ себѣ вѣчный

ный признакъ добродѣтели, что каждый желаетъ найти оное въ живущихъ съ нимъ. Такъ какое несмыслие, желать другимъ добродѣтели, любви достойнаго качества; а самимъ не имѣть онаго? Когда всякой человѣкъ почитаетъ миролюбіе драгоцѣннымъ: то предающіеся своему желанію мщенія, не иначе поступаетъ, какъ будто умышленно принялъ намѣреніе, отнять у своей души совершенство.

Доселѣ говорилъ я только о томъ желаніи мщенія, которое обыкновенно послѣдуетъ за истинными обидами. Но сколь часто мстятъ люди за воображаемыя обиды? Люди, именуемые чувствительными, готовы во всякое мгновеніе почитать себя за обидимыхъ. Взглядъ, улыбка, невинное слово можетъ возпламенить ихъ лю-

тость. Вообще сіи низкія души весьма любомстительны. Первый шагъ къ ихъ мщенію есть тайная ненависть, которую питаютъ они противъ мнимыхъ обидчиковъ; но тѣмъ рѣдко удовольствываются. Совѣсть говоритъ имъ, что они не столь важны, чтобъ имъ наказать своихъ соперниковъ токмо неблаговоленіемъ. И такъ изыскиваютъ средства содѣлать гнѣвъ свой чувствительнымъ, и мщеніе ихъ обнаруживается при всякихъ случаяхъ, благопріятствующихъ ихъ желанію вредить.

Слѣдующая исторія, любезный Гали, оставитъ въ сердцѣ твоемъ печальное возпоминаніе желанія мстить.

Салватро и Аріана два добродѣтельные и нѣжные супруга жили въ щастливомъ состояніи. Внѣшнія

ихЪ обстоятельства были выгодны, и кЪ истинной радости своихЪ сердецЪ имѢли они двухЪ благонадежныхЪ сыновЪ. Радость ихЪ умножалась отЪ того, что, будучи сами вЪ старости, надѢялись еще долгое время быть свидѢтелями хорошаго поведенія и щастія дѢтей своихЪ.

РодерихЪ, старшій ихЪ сынЪ, былЪ пламенный юноша. ОнЪ имѢлЪ всѢ чувствованія; былЪ постояненЪ и благодѢтеленЪ; склонность всегда побуждала его прославиться вЪ свѢтѢ, и природа снабдила его всѢми качествами нужными для жаждущаго славы. Единственныя примѢтныя погрѢшности юности были жарЪ его, и притомЪ сильное стремленіе кЪ желанію мщенія. Сія послѢдняя погрѢшность обезпокоива-

ла бодрственнаго его отца. Салватро часто говаривалъ сыну своему: „Сколь желательно бы мнѣ „было, чтобъ не доставало тебѣ „половины способностей, лишь то„лько бы ты потерялъ желаніе „мщенія. Сколь долго сія пагубная „страсть пребудетъ въ твоемъ „сердцѣ: столь долго всего я буду „опасаться ради тебя. Самыя доб„рыя твои качества будутъ при „оной тебѣ вредны. Ты содѣлаешь „ихъ средствами для произве„денія въ дѣйство мщенія тво„его, и погибель твоя бу„детъ печальнымъ дѣйствіемъ „ онаго. Неоднократными и сего рода представленіями старался Салватро освободить сына своего отъ порочной страсти. Родерихъ не могъ отринуть таковыхъ увѣщаній; онъ часто вознамѣривался

ся послѣдовать имъ; но при первомъ побужденіи пламенный его духъ отметалъ намѣреніе. Братъ его Ливіо былъ совсѣмъ противнаго свойства. Ливіо былъ весьма кроткій и нѣжный юноша; онъ поставлялъ свое благополучіе токмо въ тишинѣ, и радость въ щастіи своихъ родителей и брата. Не взирая на сіе различіе характеровъ братья любили другъ друга весьма нѣжно.

Родерихъ изъ дѣтства имѣлъ одного вѣрнаго друга. Оный былъ юноша одинакаго состоянія и одинакихъ качествъ. Родерихъ и Гонзальво ревновали другъ другу въ совершенствахъ и славѣ; и хотя неизвѣстно было, кому изъ обоихъ надлежало дать преимущество, но тотъ и другій были удивительны. Вѣрность ихъ продолжалась много лѣтъ ненарушимо.

Наконецъ

Наконецъ въ одинъ публичный праздникъ Родерихъ, увидѣвъ дѣвицу рѣдкой красоты, плѣнился ею. Онъ узналъ, что она дочь одного знатнаго человѣка, и называется Олимпiею. Сie извѣстiе подало также ему надежду, что любовь непротивна будетъ его родителямъ. Входъ въ домъ ея онъ удобно снискалъ. Ибо по имени отца его и по собственнымъ хорошимъ качествамъ вездѣ былъ ласково принимаемъ. Тутъ думалъ онъ, что къ его щастiю ничего другаго не доставало, кромѣ полученiя взаимной любви отъ любимой имъ Олимпiи. Но сie было гораздо трупнѣе, нежели какъ думалъ. Олимпiя ко всѣмъ его поискамъ оказалась хладна; и какъ онъ нигдѣ не могъ говорить съ нею, кромѣ собранiй, то невозмож-

 но

но было ему когдалибо открыть ей всю силу своей склонности. Наконецъ склонилъ онъ подарками ея вѣрную служанку на свою сторону, и сія представила его въ одинъ вечеръ въ садъ, гдѣ, нашедъ Олимпію, могъ свободно безъ свидѣтелей открыть ей свою любовь. Родерихъ исполненный радостію пошелъ отъ нее къ Гонзальву, намѣреваясь избрать его въ своего сопровожатаго. Хотя еще ни мало не открывался ему въ своей склонности: но тутъ почелъ то за нужное; потому, что не осмѣливался въ ночное время итти безъ провожатаго. Какъ скоро Родерихъ открылъ ему тайну; вдругъ Гонзальво внутренно смутился, и какъ не много оправился: то отказался его провожать. Родерихъ видя своего друга, который всегда былъ

къ

къ нему расположенъ, вдругъ столь перемѣнившимся, изумился. Онъ мгновенно сталъ догадываться о тайнѣ, и догадка его не обманула. Ибо Гонзальво дѣйствительно имѣлъ съ Олимпіею любовное согласіе, которое они по нѣкоторымъ фамильнымъ причинамъ содержали втайнѣ. Родерихъ вопрошалъ его о томъ, и наконецъ Гонзальво признался. При семъ объявленіи Родерихъ не могъ болѣе повелѣвать собою; любовь, досада и ревность, вдругъ возкипѣвшія въ груди его, извлекли такія выраженія, которыми Гонзальво почелъ себя обиженнымъ. Слѣдствіемъ сего враждебнаго разговора было то, что оба разгоряченные юноши ухватились за шпаги; но какъ Родерихъ схватилъ прежде: то Гонзальво получилъ опасную рану. Родерихъ

скрывался нѣсколько дней у своихъ знакомцевъ; но родители Гонзальвовы, сомнѣвавшіеся о выздоровленіи сына своего, и не хотѣвшіе потерять жертву своего мщенія, столь рачительно искали его, что наконецъ онъ найденъ и отведенъ въ темницу. Родители Родериховы, которымъ сіе приключеніе причинило смертельный ужасъ, тщетно старались освободить его; ихъ соперники, будучи весьма раздражены, не хотѣли оставить его безъ наказанія. Между тѣмъ Гонзальво сверьхъ чаянія выздоровѣлъ, что и подало надежду Родериховымъ родителямъ къ спасенію сына своего. Но они ничего не могли болѣе получить, какъ что надлежало ему еще четверть года пробыть въ темницѣ, и потомъ выѣхать надолго изъ Государства, да-

бы время истребило огорченіе. Гонзальво, котораго любовное согласіе съ Олимпіею открылось чрезъ сей случай, получилъ отъ родителей своихъ соизволеніе на ней жениться, и назначенъ былъ день къ ихъ сочетанію. Ввечеру наканунѣ сего дня нѣжнѣйшій Родериховъ братъ Ливіо пришелъ къ Гонзальву. Представленія его были столь удачны, что Гонзальво обѣщалъ вскорѣ послѣ своего брака испросить Родериху полную свободу. Въ тотъ же день Родерихъ нашелъ случай убѣжать изъ темницы. Онъ узналъ, что соперникъ его вскорѣ учинится щастливымъ Олимпіею. Сія вѣдомость столь чувствительная для любви привела его въ лютость; а какъ къ сему присоединилось безчестіе, которое, по мнѣнію его, понесъ онъ посредствомъ

ствомЪ темницы: то принялЪ нещастное намѢренiе на все пуститься, лишь только бы учинить соперника своего нещастнымЪ. УбѢжавЪ изЪ темницы, спѢшилЪ онЪ вЪ ГонзальвовЪ домЪ, намѢреваясь вонзить кинжалЪ ему вЪ грудь. Тогда было уже темно, и вЪ ту минуту Гонзальво провожалЪ Родерихова брата изЪ дома. РодерихЪ, услышавЪ голосЪ своего соперника, безЪ дальнѢйшаго разсужденiя подбѢжалЪ, и перьвому встрѢтившемуся сЪ нимЪ вонзилЪ кинжалЪ. КакЪ скоро услышалЪ паденiе онаго: то побѢжалЪ, чувствуя гнусность своего безчеловѢчнаго дѢла, домой, дабы проститься сЪ родителями и братомЪ. ОнЪ нашелЪ своихЪ родителей вЪ печальномЪ состоянiи. Арiана отЪ печали и заботЪ учинилась больною. УвидѢвЪ Родериха,

какЪ

какъ скоро вступилъ онъ въ ком-
„нату, подойди ближе, вскричала
„она, и подала ему свою руку.
„Ты причиною моей болѣзни, ко-
„торая можетъ быть лишитъ
„меня жизни. Но то меня утѣ-
„шаетъ, и я умру довольною, что
„опять вижу сына моего, и могу
„дать ему благословеніе. Роде-
рихъ былъ безотвѣтенъ. Сердце
его терзалось отъ признанія, учи-
неннаго преступленія, и смущеніе
привело въ изумленіе его родите-
лей. Между тѣмъ, вышедъ Салва-
тро изъ покоя, увидѣлъ сына сво-
его Ливіо обагреннаго кровію, несо-
маго въ домъ. Хотя Ливіо столь
былъ слабъ, что едва могъ
говорить: но увидя Родериха обод-
рился. „ Ахъ! любезный братъ!
вскричалъ онъ, злодѣй умертвилъ
меня въ то время, когда думалъ

я примирить тебя съ твоимъ соперникомъ. Но съ сей стороны я былъ еще щастливъ. Гонзальво престалъ быть болѣе твоимъ врагомъ. Подойди, любезный Родерихъ, обойми меня, и позволь умереть брату въ своихъ достойныхъ объятіяхъ! „ Въ сіе мгновеніе ощутилъ Родерихъ всю гнусность своего дѣла. Мщеніе его ослѣпило, и кинжалъ, назначенный для Гонзальва, вонзенъ былъ въ грудь его любезнаго Ливіо. Ужасъ и болѣзнь преодолѣли его; онъ хотѣлъ приклониться къ брату своему, и палъ на землю въ обморокѣ. Не можно было утаить сего явленія отъ нѣжной матери. Надлежало ради усильной прозьбы ея внести Ливіо въ комнату и положить на ложѣ подлѣ ея. Тутъ умирающіе глаза ея, увидя его также кончающагося,

помутились. Печальный Салватро, не помышляя о собственной своей болѣзни, метался то къ супругѣ, то къ сыновьямъ, стараясь всѣмъ имъ подать помощь, которая не могла болѣе ихъ спасти. Наконецъ Родерихъ, освободившись отъ обморока, пошелъ въ комнату. Смертная блѣдность была разпростерта по лицу его; онѣмелые глаза обнаруживали ужасъ, которымъ наполнено было его сердце, и страхъ обьялъ присутствующихъ. Онъ, подошедъ къ брату своему, сказалъ трепещущимъ голосомъ: „ Ливіо, хочешь ли видѣть злодѣя, твоего убійцу! Я гнусный умертвилъ тебя! Мое бѣснующееся мщеніе ослѣпило меня, что не могъ различить любезнаго своего брата отъ врага. Но сею драгою рукою, — тутъ схватилъ онъ руку брата

своего-клянусь я тебѣ, что рука моя отмститъ за преступленіе ею учиненное.„—Трепеща, отступилъ онъ нѣсколько шаговъ. Отецъ, примѣтивъ худое намѣреніе, хотѣлъ схватить его, но то было поздо. Родерихъ пронзилъ свое сердце тѣмъ кинжаломъ, который имѣлъ еще на себѣ кровь брата его, и палъ на землю мертвъ. Никто изъ присутствующихъ не могъ снесть сего зрѣлища. Салватро побѣжалъ изъ комнаты, не зная самъ, что дѣлаетъ. Но вскорѣ вспомнивши, что еще въ оной были Аріана и Ливіо, возвратился, и былъ еще свидѣтелемъ ихъ послѣднихъ воздыханій. Вскорѣ потомъ они скончались. Но Салватро жилъ еще нѣсколько лѣтъ. Добродѣтельный достойный сожаленія старецъ! Родерихъ

колико нещаснымъ содѣлалъ весь его домъ, но гораздо болѣе самаго себя.

ОТДѢЛЕНІЕ 9.

Высокомѣріе наказывается.

Въ срединѣ южнаго Океана лежитъ островъ, окружаемый многими другими малыми островами. Могущественный господинъ на вышеупомянутомъ островѣ позабывъ, что онъ не другому чему, какъ знаменитымъ дѣламъ предковъ своихъ одолженъ, думалъ, что ни чѣмъ лучше не можно превзойти равныхъ себѣ, какъ глупою кичливостію, которую почиталъ отличительнымъ знакомъ своего состоянія, и строго и презрительно поступая съ тѣми, которыхъ почиталъ гораздо ниже себя.

Замокъ его лежалъ при морѣ; охота и рыбная ловля были ревностныя упражненія, которымъ онъ совершенно былъ преданъ. Имя его во всей странѣ было страшно.

Бѣдный крестьянинъ, владѣлецъ небольшой болотистой земли, гдѣ ничего не расло, кромѣ ракитника, изъ котораго плетя разнаго рода корзины, питался тѣмъ ремесломъ, былъ сосѣдъ сего господина; сей послѣдній, по своему представленію, нашедъ себя малою землею корзинодѣлателя ограниченнымъ, въ разсужденіи охоты своей, дѣлалъ уже различныя покушенія, какъ бы принудить его, или продать землю самою низкою цѣною, или пожертвовать оною своему тиранству. Огорченный непокорностію бѣднаго крестьянина, который упорствовалъ удовлетворить

желанію

желанію столь знаменитаго существа, воспользовался онъ бурею и превратилъ наслѣдную часть и единственное владѣніе того бѣдняка въ пепелъ.

Корзинодѣлатель, приведенный въ крайность, жаловался на претерпѣнное имъ насиліе въ такихъ выраженіяхъ, которыя изъявляли больше великость его печали, нежели почтеніе, которымъ одолженъ онъ достоинству своего притѣснителя. Плодомъ оныхъ было то, что сей токмо тѣмъ безчеловѣчнѣе поступалъ съ нимъ.

Не оставалось другой помощи для бѣднаго человѣка, какъ повергнуться къ ногамъ Самодержавца, котораго правосудіе повсюду весьма было прославляемо.

Малодушный тираннъ, позванъ будучи къ отвѣту, думалъ

опра-

оправдаться въ своихъ насильственныхъ поступкахъ тѣмъ, что ссылался на худое себѣ уваженіе и почтеніе, съ каковымъ и корзинодѣлатель отрекся здѣлать ему, яко знатнѣйшему господину на островѣ, удовольствіе.

„О! возопилъ Манархъ, съ сильнымъ негодованіемъ, какимъ уваженіемъ и **какими** личными преимуществами одолжены были дѣду твоему, косившему прежде чинъ истопника въ покояхъ предковъ моихъ, прежде нежели храбростію и вѣрностію къ своему Государю получилъ честь, и изъ простаго состоянія толико тобою презираемаго вознесенъ? Но его благородство гораздо важнѣе твоего. То было благородство по душѣ, а не порожденію; по дѣйствительнымъ заслугамъ, а не по щастію,

стію. Досадно мнѣ видѣть въ моихъ областяхъ благороднаго, столь подлую душу имѣющаго, что не помышляетъ, что щастливыя обстоятельства и другія отличительныя преимущества благородства его токмо для того предоставлены ему, дабы, оставивъ собственныя заботы, пекся только о благѣ общества и о благополучіи людей низкаго состоянія.— И ты корзинодѣлатель, продолжалъ Монархъ, ты также достоинъ наказанія: поелику поздо прибѣгнулъ къ моему правосудію. Твое наказаніе научитъ моихъ подданныхъ, что я сотворенъ для ихъ защищенія.——Раздѣньте обоихъ; ихъ отвезите на островъ дикихъ, и отдайте тамъ на волю ихъ судьбы!

То мѣсто острова, гдѣ высадили ихъ на землю, было низкое, болотистое и отвсюду заросшее разными плодоносными деревцами. Сіе обстоятельство подавало дворянину надежду, что можно ему сокрыться отъ взора своего товарища; ибо почиталъ его, не взирая на собственную свою бѣдность, всегда недостоинымъ себя. Но когда дикіе увидѣли свѣтъ происходящій отъ корабельныхъ фонарей: (Ибо наши изгнанные въ ночное время вышли на землю) то выступили изъ своихъ жилищь; и собравшись на разсвѣтѣ, пошли посмотрѣть, все ли въ той сторонѣ, отъ которой повидимому корабль удалился, было благополучно. Весьма скоро нашли они обоихъ чужестранцевъ, укрывшихся подъ кустарникомъ; окружили ихъ; подняли

няли страшный крикъ, и уже думали обоихъ убить.

Тогда въ первый разъ почувствовалъ дворянинъ, что знатность чина его токмо состояла въ воображенiи. Стыдъ находиться безъ одежды, холодъ, къ которому совсѣмъ онъ не привыкъ, приближенiе отвратительныхъ дикихъ людей, вопль ихъ и ужасный взоръ, слабая надежда укротить ихъ лютость, все сiе столько устрашило его, что вскорѣ отринулъ великiя мысли дотолѣ его надымавшiя, и старался укрыться за нещастнымъ товарищемъ своей бѣдности, какъ за щитомъ.

Напротивъ того корзинодѣлатель, который, по своему низкому состоянiю, почти привыкъ уже ходить безъ одежды; котораго суровый и трудолюбивый родъ

жизни давно пріобучилъ уже не страшиться особенно смерти, и который, по своему искуству не знаемому дикими, питалъ нѣкоторую надежду быть имъ полезнымъ; корзинодѣлатель, не взирая на слабости дворянина, тотчасъ принялся за единственное средство, которымъ могъ спасти себя. Сіе состояло въ томъ, что онъ, взирая съ неустрашимостію на дикихъ, нарѣзалъ вѣтвей съ деревъ, сплелъ изъ оныхъ вѣнецъ, и возложилъ оный съ подобострастіемъ на главу того, котораго почиталъ знатнѣйшимъ изъ нихъ. Надежда его не обманула; изрядный вѣнецъ понравился тому, на котораго онъ возложилъ, и всей его свитѣ. И такъ корзинодѣлатель весьма рачительно трудился, дабы для прочихъ сплесть такіе же

вѣнцы;

вѣнцы; ибо каждый хотѣлъ имѣть оный: и въ семъ также столько успѣлъ, что снискалъ у нихъ всѣхъ благосклонность. Они плясали около его; осыпали ласкательствами, и приглашали нѣкоторыми знаками послѣдовать за ними въ шалаши.

Что касается до его товарища, поелику онъ, въ продолженіе всего того явленія, трепеталъ какъ женщина, и стоялъ на колѣняхъ: то дикіе, почитая его за такого человѣка, отъ котораго не могли они надѣяться ни пользы ни удовольствія, вдругъ возвысили было булавы свои на его умерщвленіе, какъ корзинодѣлатель изъ сострадания къ нещастному милостивому господину сталъ просить о пощадѣ его, и далъ дикимъ помощію знака выразумѣть, что товарищь

его въ искуствѣ, которому они удивлялись, не опытенъ; но что онъ надѣется въ короткое время обучить оному. Предстательство спасло жизнь дворянина.

По трехмѣсячномъ пребываніи на семъ островѣ, въ продолженіе котораго времени сей знатный господинъ представлялъ лице ученика корзинодѣлателя, и день отдня лучше успѣвалъ въ своихъ должностяхъ, и притомъ имѣлъ причину хвалить благосклонность господина своего, говорилъ онъ ему въ одинъ день воздыхая:

„Сколь поступалъ я достой-
„но наказанія, когда полученное
„нами отъ природы столь худо
„зналъ различать отъ того, чѣмъ
„мы одолжены щастію! Дарованія
„природы столько же постоянны,
„сколько полезны; а б[illegible] щастія

суть

„суть суетны, и состоятъ только
„въ воображеніи. Я понимаю те-
„перь, но поздо, что полезныя ве-
„щи никогда не бываютъ въ пре-
„зрѣніи, но всегда соединены со
„славою, и стыжусь, когда сравни-
„ваю твои безмѣрныя благодѣянія
„оказанныя мнѣ съ ужасною же-
„стокостію оказанною тебѣ. О!
„естьли бы когда мое раскаяніе
„умилостивило Боговъ, и они опять
„даровали бы мнѣ утраченное ща-
„стіе: съ какою бы охотою раздѣ-
„лилъ съ тобою оное; да и тутъ
„еще не подумалъ бы я, что до-
„вольно заплатилъ твоему добро-
„му сердцу.

Раскаяніе Дворяниново было чистосердечно. Вскорѣ потомъ послалъ Король тотже корабль, на которомъ они были отвезены къ дикимъ, дабы опять ихъ взять, и

первое дѣйствіе, которое дворянинъ, по обратномъ вступленіи въ свои помѣстья, предпріялъ, было то, что все имѣніе раздѣлилъ со своимъ избавителемъ.

Съ того дня произошла на островѣ пословица: „Отведите „его къ корзинодѣлателю! Естьли сильный и богатый человѣкъ не можетъ никакого другаго принесть извиненія ко оправданію своей лѣности и высокомѣрія, кромѣ достоинства и геройскихъ подвиговъ предковъ своихъ: то Монархъ взываетъ: „Отведите его „къ корзинодѣлателю! И народъ повторяетъ покорно: „Отведите его къ корзинодѣлателю.

ОТДѢ-

ОТДѢЛЕНІЕ 9.

Солиманъ и Альмена.

Въ одной пріятной долинѣ Месопотаміи на брегу Ирвана рѣки жилъ Солиманъ сынъ мудраго Ардавана, котораго рановременно посвятили восточнымъ наукамъ. Стремительный духъ его весьма скоро понудилъ оставить трудное ученіе, и наипаче заняться познаніемъ людей. Наконецъ, по многой усильной прозьбѣ, получилъ онъ отъ отца своего позволеніе путешествовать. Уже утро освѣтило верьхи горъ, какъ Солиманъ пустился въ путь.

Когда пришелъ онъ къ подошвѣ горы Тавра: то услышалъ изходящій изъ ближняго лѣса жалостный вопль. Онъ остановился, и

узналъ, что то были два любовника, пользовавшіеся тайнымъ разговоромъ, поелику надлежало имъ вѣчно другъ съ другомъ разлучиться. Онъ увидѣлъ любовника лежащаго въ обморокѣ при ногахъ своей любовницы, которая обливалась слезами. Солиманъ думая, что можетъ быть его присутствіе будетъ имъ полезно, немедлѣнно пошелъ къ кусту, гдѣ сіи печальные находились; онъ поднялъ нещастнаго любовника съ земли. Чужестранецъ, сказалъ молодой человѣкъ, кто бы ты ни былъ, но наружный твой видъ дѣлаетъ тебя достойнымъ уваженія, и оказанное твое состраданіе заслуживаетъ мою довѣренность. Сія дѣвица, къ ногамъ которой я повергся безчувственъ, есть дочь корыстолюбиваго злодѣя, продавшаго ее одному Принцу

цу. Завтра она будетъ отдана ему. Какъ! вскричалъ Солиманъ, возможно ли, чтобъ родители сами содѣлывали дѣтей своихъ нещастными? Хотя извѣстны мнѣ развращенныя человѣческія склонности: однако никогда не вѣрилъ я, чтобъ естественная нѣжность могла пренебрежена быть до такой степени. Удалитесь и воспользуйтесь сею драгоцѣнною минутою свободы. Сердца, сотворенныя небомъ одно для другаго, не долженствуютъ смертнымъ разлучены быть. Домъ отца моего всегда служилъ мѣстомъ убѣжища невинности. Я самъ провожу васъ въ Ирванскую долину, гдѣ достопочтенный характеръ Ардавановъ и уединенное положеніе нашего жилища доставитъ вамъ безопасность.

Столь великодушное предложеніе не отринуто. Солиманъ привелъ ихъ въ Ирванъ къ своему отцу. „Для него довольно уже „будетъ того, сказалъ онъ сей „нещастной четѣ, что вы разкажете ему свою исторію. Теперь „я оставляю васъ; ибо мнѣ не хо„чется дважды откланиваться от„цу моему.

И такъ Солиманъ, оставивъ ихъ, продолжалъ путь съ такою скоростію, что въ пять дней пріѣхалъ въ Испагань. Тамъ познакомился онъ съ однимъ Аглинскимъ купцемъ, который совершенно разумѣлъ языкъ той земли. Они постановили между собою не нарушимую дружбу. Ежедневное ихъ обращеніе всегда подавало имъ случай примѣчать нравы и склонности людей, и въ разговорахъ по боль-

большей части имѣли они предмѣтомъ своихъ разсужденiи отечество свое. Купцу надлежало для своеи надобности ѣхать въ Бассору ко Двору, почему и пришелъ онъ въ одно утро откланяться своему другу. Нашъ путешественникъ, будучи тѣсно соединенъ съ нимъ союзомъ дружества, не могъ снесть разлуки, для воспрепятствованія которой были тогда еще средства. И такъ онъ здѣлалъ ему компанію, и оба оставили Испагань. Поутру находились они уже на горахъ Ирванскихъ. Вполдень открыли пещеру на южнои сторонѣ одной горы. Въ то время вышелъ изъ оной согбенный пустынникъ; но какъ скоро увидѣлъ ихъ: то притаился и побѣжалъ, сколько позволяли лѣта его, назадъ въ пеще-

ру. Наконецъ видя, что они безподозрительные путешественники, подошелъ къ нимъ, и пригласилъ ихъ въ свою пещеру.

„Не пріимите, говорилъ сѣ„дый мудрецъ, мою предосторож„ность въ худую сторону. Сіи „горы не доставляютъ мнѣ безо„пасности отъ алчности человѣ„ческой лютости; сіи сѣдые власы „не защищаютъ меня противъ не„укротимой жестокости человѣ„ковъ. Я родился въ провинціи „Люрестанъ. Отеческое мое имѣ„ніе было знатно. Но по смер„ти родителей, отъ которыхъ „остался я малолѣтенъ, имѣніемъ „моимъ управлялъ Судъ, который „двѣ части удержалъ за собою; „сохраня только третью часть „для меня. Я имѣлъ великую „склонность къ путешествію; и

„такъ

,,такъ будучи 28 лѣтъ препоручилъ остальное небольшое мое имѣніе одной особѣ, на чистосердечность котораго никогда не имѣлъ я подозрѣнія; и оставилъ отечество. Едва прошло три мѣсяца, какъ сеи вѣроломный другъ обнародовалъ, что онъ получилъ отъ меня полномочіе, все принадлежащее мнѣ продать. Потомъ съ полученными за то деньгами убѣжалъ, и такъ по возвращеніи моемъ не нашелъ я ни имѣнія, ни друга. Я пошелъ отдать поклонъ одному человѣку, имѣвшему знатное достоинство и силу, который былъ искреннѣишіи другъ отца моего. По долгомъ ожиданіи наконецъ допустилъ онъ меня къ себѣ. Я представилъ ему свое нещастіе такимъ образомъ и съ такимъ

,,кра-

„краснорѣчіемъ, какое всегда вдыхаетъ намъ вѣроломность другихъ. Едва выслушалъ онъ половину моихъ повѣствованій, „какъ встрѣтилъ меня отвѣтомъ: „не нужно продолжать тебѣ свои „жалобы, я изъ сказаннаго вижу, „сколь ты обманутъ. Я о томъ „сожалѣю; но въ доказательство „моего о тебѣ попеченія, дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: Никогда не „препоручай своего имѣнія и своей „жизни чистосердечію человѣка.

„Тѣмъ кончился разговоръ съ „пріятелемъ отца моего, котораго снисхожденіе ограничилося „токмо глупымъ совѣтомъ, какъ „можно обезопасить мнѣ похищенное уменя имѣніе, и сохранить „жизнь, которой и безъ того желалъ лишиться.

„Уже

„Уже не оставалось мнѣ ни ка-
„каго другаго средства, какъ слу-
„жить въ полку Софіискомъ. Вле-
„комъ будучи непрестанно склон-
„ностію къ оружію, я уже преж-
„де сбучился весьма хорошо обхо-
„диться съ нимъ. Ловкость моя
„вскорѣ пріобрѣла мнѣ благосклон-
„ность начальника, и спустя не
„много послѣ того получилъ я по-
„вышеніе чина. Полученное мною
„достоинство доставило было мнѣ
„истинное душевное спокойствіе
„и много удовольствія; какъ щас-
„тіе начинало меня опять весьма
„жестоко преслѣдовать.

„Генералъ мой имѣлъ дочь
„отмѣнной красоты и другихъ
„превосходныхъ дарованій. Ца-
„ира была предмѣтомъ всеобщаго
„удивленія. Но сердце ея устре-
„милось на нещастнаго Аббаса,

 „сіе

„сїе есть мое имя. Увидѣвъ ее
„въ перьвый разъ открылъ я въ ея
„взорахъ нѣжнѣйшее и благосклон-
„нѣйшее ко мнѣ расположенїе. Я
„приписалъ сїе состраданїю о мо-
„емъ нещастїи. Я весьма часто
„расказывалъ ей мою исторїю.
„Нѣжность ея здѣлала такое впе-
„чатлѣнїе въ моемъ сердцѣ, что
„мысли мои заняты были токмо
„Цаирою. Когда тысящекратно
„ласкалъ я себя, что взгляды ея
„не отъ одного только произходи-
„ли состраданїя: то сверьхъ чая-
„нїя получилъ отъ нее слѣдующее
„письмо.

Письмо къ Аббасу.

Заслуги твои и нещастїе до-
стойны большаго, нежели прос-
тое состраданїе. Вступиться за
нещастнаго Аббаса есть должность

налага-

налагаемая на насъ самою добродѣтелію. Естьли пріидешь ко мнѣ симъ вечеромъ въ садъ; то лучьше увѣришься въ чувствованіяхъ, которыя къ тебѣ имѣетъ

Цаира.

„Тѣ токмо могутъ представить движеніе сердца моего, которымъ среди отчаянія въ успѣхахъ ихъ любви лучь надежды подаетъ утѣшеніе. Безпокойство понудило меня пріитти въ назначенное мѣсто еще гораздо прежде опредѣленнаго времени. Въ великомъ смущеніи ходилъ я то взадъ то впередъ, пока наконецъ окончился день. Увидя Цаиру сердце мое затрепетало. Я не могъ ни одного слова выговорить; я повергся къ ногамъ ея, и тѣмъ привелъ ее въ изумленіе.

„Аббасъ, сказала она, поднявъ „меня, естьли смущеніе твое про- „изходитъ отъ постоянной благо- „дарности: то побереги ее до тѣхъ „поръ, пока могу я увѣрить тебя „въ моемъ вспомоществованіи. Но „естьли другое что-нибудь тому „причиною: то я сей часъ тебя о- „ставлю. Я просилъ ее, открыть „мнѣ намѣреніе ея призыва.

„Высокопочитаніе къ твоимъ „заслугамъ и сожалѣніе о претер- „пѣнномъ тобою нещастіи подвиг- „ло меня представить тебѣ мои „услуги. Могу ли я посредствомъ „власти отца моего оказать тебѣ „помощь?

„Я запинаясь благодарилъ ее, „и увѣрялъ, что вся будущая моя „надежда благополучія на ней толь- „мо основывается. Она мгновен-

,,но оставила меня, не давЪ на то ,,отвЂта.

,,ВЪ то время, когда я ходилЪ ,,по саду то взадЪ то впередЪ, ,,одинЪ изЪ ОфицеровЪ тайно влюб-,,ленный вЪ Цаиру примЂтилЪ мое ,,безпокойство. Едва усмотрЂлЪ ,,онЪ приближенiе Цаиры: тотчасЪ ,,извЂстилЪ отца ея о нашемЪ сно-,,шенiи. Цаира нимало о томЪ не ,,знала. Она, говоря о изящныхЪ ,,качествахЪ и преимуществахЪ ,,Аббаса, обнаружила желанiе свое, ,,вскорЂ видЂть его гораздо повы-,,шеннымЪ вЪ чинЪ. Старый Гене-,,ралЪ, будучи отЪ природы весьма ,,ревнивЪ и свирЂпЪ, вскричалЪ сЪ ,,великимЪ негодованiемЪ: такЪ, ,,такЪ я его повышу! ВЪ слЂдую-,,щее утро прислалЪ онЪ мнЂ уво-,,льнительную грамоту. Когда я ,,исполненный удивленiя еще ее

 ,,про-

„прочитывалъ: въ то время моло„дая особа, покрытая маскою, вру„чила мнѣ маленькую коробочку „съ письмомъ отъ Цаиры слѣдую„щаго содержанія:

Письмо къ Аббасу.

„Я сама по нѣкоторому неизвѣст„ному мнѣ обстоятельству, кото„раго совсѣмъ не могу понять, учи„нилась невинною причиною твое„го увольненія изъ службы въ то „самое время, когда еще искренно „желала видѣть тебя повышеннымъ „въ чинъ.

„Подателю, который вручитъ „тебѣ маленькую коробочку съ „драгоцѣнными каменьями, прика„зано отъ меня ближайшею доро„гою проводить тебя за горы. Мас„ка на немъ для того, дабы не „можно было его узнать. Вѣрность

„его

„его ко мнѣ содѣлаетъ также чи-
„стосердечнымъ и къ тебѣ. Мо-
„жетъ быть небо низпошлетъ
„щастливую перемѣну судьбы
„твоея.

„*Прощай на вѣки. Цаира.*

„Въ скукѣ и смущеніи немед-
„лѣнно послѣдовалъ я за моимъ во-
„жатымъ, не зная куда онъ пове-
„детъ меня, и что мнѣ дѣлать?
„Частымъ повтореніемъ имени,
„Цаира, довольно обнаруживалась
„болѣзнь моя. Я ни слова не гово-
„рилъ съ товарищемъ. Въ слѣдую-
„щій вечеръ по нещастію напали
„на насъ разбойники. — Какъ мнѣ
„расказывать о сей новой печали?
„Простите мнѣ, благородные чу-
„жестранцы, что сіи глаза еще
„проливаютъ слезы при воспомина-
„ніи Цаиры. —— Незнакомый мой

„проводникъ сбросилъ въ смятеніи „съ себя маску. О небо! то была— „Цаира. Точно то была сама она, „сія великодушная любовница. „Трое злодѣевъ пали отъ сабли „моей; но четвертый обезоружилъ „меня, а прочіе похитили Цаиру.

Жизненные духи обремененнаго лѣтами пустынника симъ повѣствованіемъ въ столь великій безпорядокъ приведены были, что онъ нѣсколько минутъ былъ безъ памяти.

„Теперь, продолжалъ онъ по„томъ, узнали вы совершенное ис„полненіе моего нещастія. Какъ „скоро излѣчился я отъ получен„ныхъ мною ранъ: то употребилъ „нѣсколько мѣсяцовъ на исканіе „Цаиры. Но все то было тщетно. „Я обстоятельно увѣдомилъ о семъ „печальномъ приключеніи ея отца,

„надѣ-

„надѣясь, что власть его и богат-
„ство удобно можетъ отъискать
„ее. Но въ чаяніи моемъ обманул-
„ся, и къ вящшей досадѣ услышалъ,
„что сей жестокосердый отецъ
„радовался нашей судьбинѣ, и при-
„томъ изрыгалъ еще страшныя
„проклятія на свою единородную
„дщерь.

„И такъ когда лишился я
„всей надежды, и видѣлъ себя по-
„верженнымъ въ глубочайшую пе-
„чаль: то общество людей учини-
„лось мнѣ несноснымъ. Тогда
„вступилъ я въ сію уединенную
„гору. Сіе жилище много лѣтъ
„служило мнѣ мѣстомъ пребыва-
„нія, гдѣ я находился во всегда-
„шней печали, и вы перьвые, кото-
„рымъ расказалъ я свои приключенія.

Солиманъ не могъ удержаться
отъ того, чтобъ не оказать най-

живѣйшимъ образомъ нѣжнаго своего сострадания, и не поносить съ похвальною ревностію злости человѣческой. Между тѣмъ приближался вечеръ. Пойдемъ скорѣе, сказалъ купецъ, дабы прежде еще наступленія ночи перейти намъ сію гору. И такъ оба путешественники, откланявшись своему нещастному хозяину, вскорѣ достигли большей деревни, называемой Арденъ. Тамъ довольно отдохнувши, въ слѣдующій день опять пустились въ дорогу. Нѣсколько дней не встрѣчалось имъ въ пути ничего достойнаго замѣчанія. Проѣжжая южную Персидскую провинцію, дѣлали они иногда дорогою примѣчанія надъ упражненіями жителей той земли и надъ прекрасными странами ими проѣжжаемыми. Они сокращали свое время разсужденіемъ

емъ о такихъ мѣстахъ, которыхъ замѣчанія достойныя обстоятельства находимъ мы въ исторіи записанными. Тутъ могли они весьма подробно узнать непрочность всего человѣческаго величества и могущества. Наконецъ достигли они Бассорскаго залива, гдѣ Англичанинъ, нашедши корабль, котораго онъ дожидался, далъ Солиману знать, что нѣтъ лучше сего случая, естьли хочетъ онъ плыть въ Европу; ибо касательно до него надлежало ему еще на нѣсколько лѣтъ ради своихъ надобностей остаться въ Персіи. Солиманъ долгое время пребывалъ въ нерѣшимости; онъ сражался съ дружествомъ и любопытствомъ. Наконецъ рѣшился осмотрѣть Европу.

Поелику корабль былъ еще не въ готовности, и потому надлежало

лежало ему долгое время простоять въ гавани: то Солиманъ восхотѣлъ между тѣмъ проѣхать Индію. Онъ, осматривая островъ Ормусъ, нашелъ тамъ Испаганскаго изгнанника, который расказалъ ему, что причиною ссылки его было токмо то, что онъ сказалъ при дворѣ одному близъ него стоящему незнакомому человѣку, что Султаншу Мораппу почитаетъ отмѣнною красавицею. Солиманъ, предпріявши помочь ему, продолжалъ далѣе путь свой, и наконецъ пріѣхалъ въ Дели, столичный городъ Великаго Могола. Тамъ спознался онъ одну женьщину, коея прелести столько овладѣли имъ, что онъ весьма страстно полюбилъ ее.

Бываетъ нѣкоторое соединеніе сердецъ, основывающееся на

согласіи душъ, и вдругъ раждается такое дружество, каковаго ни самое долгое обращеніе не могло бы лучше укрѣпить. Такова была любовь Солимана и Альмены. Добродѣтели ея такъ плѣнили его, что онъ, перемѣнивъ намѣреніе осматривать Европу, предпріялъ остаться въ Дели. Но вспомнилъ о бѣдномъ изгнанникѣ, находящемся въ Ормусѣ. Сердце его не прежде могло успокоиться, какъ оказавъ ему помощь. И такъ разстался онъ съ Альменою, объявивъ причину своего отъѣзда.

„Ступай, достойнѣйшій другъ, „сказала она, куда призываетъ „тебя твое великодушіе. Да сопутствуетъ тебѣ Провидѣніе! „Оказанное тобою дружество вѣчно пребудетъ въ памяти моей. Сіи слова окончала она слезами, и

Солиманъ какъ можно скорѣе удалился. Когда прибылъ онъ въ Ормусъ: то радость нещастнаго утѣшила его въ печали объ отсутствіи Альмены. Все, что только могъ, здѣлавъ для него, нашелъ случай отплыть ему пассажиромъ въ Европу. Онъ просилъ также объ немъ Капитана корабля, который обѣщалъ доставить ему на своемъ кораблѣ всякія выгодности. Но поелику еще нѣсколько мѣсяцевъ надлежало простоять кораблю въ пристани: то Солиманъ вознамѣрился навѣстить отца своего. И такъ поплылъ онъ внизъ Ефрата даже устьевъ Тигра, и потомъ присталъ ко брегамъ Ирванскимъ. Лишь только взошелъ Ардаванъ на холмъ лежащій близъ его жилища, дабы наслаждаться прелестями утра, и купно принесть молитву

восходя-

восходящему солнцу о Солиманѣ: какъ предсталъ ему сей благонадежный сынъ. Старецъ, по слабости силъ своихъ, не снесъ сей нечаянной радости. Онъ упалъ въ обморокъ. Какъ скоро опять пришелъ въ себя: то узналъ о всемъ случившемся съ Солиманомъ въ путешествіи. Только утаилъ онъ отъ него свою любовь. Солиманъ тотчасъ спросилъ о двоихъ чужестранцахъ посланныхъ имъ въ домъ вскорѣ по перьвомъ своемъ отъѣздѣ, и получилъ слѣдующее извѣстіе.

„Принцъ, которому была „продана дѣвица отцемъ своимъ, „вскорѣ потомъ отставленъ отъ „полку Софійскаго. Она, наслѣдовавъ весьма знатное стяжаніе отца своего, возвратила тѣмъ, которыхъ имѣніе онъ себѣ при-

„своилъ

„своилЪ, все обратно, и теперь живетЪ съ любезнымЪ своимЪ вЪ „великомЪ благополучіи. СолиманЪ вскорѣ возжелалЪ опять быть сЪ Альменою. Мысли его всегда были сЪ нею. Когда отецЪ спрашивалЪ его о Персеполѣ: то говорилЪ онЪ о Дели. Когда вопрошаемЪ былЪ обЪ женскомЪ Индійскомъ полѣ: то описывалЪ образЪ Альмены; и когда надлежало извѣстить о ихЪ нравахЪ: то отвѣчалЪ: НравЪ ея, образЪ, словомЪ весь составЪ столь прелестенЪ и столь прекрасенЪ, какЪ солнце, когда испущаетЪ оно на смертныхЪ лучи свои.

АрдаванЪ тотчасЪ примѣтилЪ, что сынЪ его влюбленЪ. СолиманЪ, извѣстивЪ отца своего о обѣщаніи данномЪ имЪ изгнаннику, находящемуся вЪ Ормусѣ, поѣхалЪ туда, и отправилЪ его на кораблѣ. Потомъ

томъ пустился со всею ревностію любовника въ Дели. Никто не путешествуетъ скорѣе влюбленнаго. Онъ чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ сію Столицу, и вдругъ бросился къ Альменѣ. Она встрѣтила его съ нѣжностію и съ такою радостію, которая дѣйствительно свойственна токмо любовникамъ, и наконецъ согласилась ѣхать съ нимъ въ Ирванъ, дабы тамъ на вѣки другъ съ другомъ соединиться. Путешествуя нѣсколько дней достигли они морскаго берега и пустились по Персидскому заливу. Одинъ морскій разбойникъ приближился къ кораблю, и по жестокомъ сраженіи овладѣлъ имъ. Альмена отдана была одному небольшому Индійскому Королю Зундскому, которому принадлежало разбойническое

 суд-

судно. Ни ласкательства, ни угрозы не могли отвратить ее отъ любви къ Солиману. Сей, погруженный въ печальныя мысли, прогуливаясь нѣкогда недалеко отъ замка Севазира, услышалъ весьма жалостный голосъ. Приближившись къ оному узналъ, что то Альмена, которая просила помощи; поелику жестокій Принцъ хотѣлъ учинить ей насиліе. Месть и отчаяніе побудили Солимана оказать ей вспомоществованіе. Онъ вонзилъ подлецу въ грудь кинжалъ, найденный имъ по щастію на землѣ. Вскорѣ потомъ Канарцы, покоривъ себѣ Зундъ, овладѣли замкомъ Севазиромъ. Сіе подвергло ихъ новой опасности. По Индійскому обыкновенію всѣ плѣненныя на войнѣ особы женскаго пола представляются къ Государю, который

торый выбираетъ для себя тѣхъ, которыя ему понравятся. Государевъ выборъ палъ на Альмену, а прочихъ всѣхъ отпустилъ. Хотя Солиманъ въ сіе время, яко военно-плѣнный, находился подъ стражею: однако нашелъ случай достать свою вольность и освободить Альмену. То былъ самъ Принцъ Канарскій, которому оба они одолжены свободою. И Альмена расказала ему исторію Солиманову. Она, отблагодаривъ ему искреннѣйшими желаніями, которыя заслуживало его великодушіе, отъѣхали въ Ирванъ. Дорогою навѣстили они ту благополучнѣйшую чету, коей домъ Ардавановъ служилъ нѣкогда убѣжищемъ, Препроводя тамъ нѣсколько дней, наинѣжнѣйшимъ образомъ простились, и клялись между собою ежегодно взаимнообразно другъ

друга навѣщать. Наконецъ прибыли они въ Ирванъ, гдѣ Ардаванъ съ нетерпѣливостію ожидалъ ихъ. Благосклонный старецъ, видя сына своего, не только благополучно и щастливо, но и съ толь прекрасною сопутницею прибывшаго, былъ обрадованъ. Онъ далъ обоимъ имъ свое отеческое благословеніе; и кто послѣ того хотѣлъ описать щастливое супружество, тотъ обыкновенно говаривалъ: „Они живутъ столь бла„гополучно, какъ Солиманъ и „Альмена.

ОТДѢЛЕНІЕ 10.

Смѣшанныя мысли.

Правда по большей части нищіе суть бродяги; но тотъ малое имѣетъ познаніе о бѣдствіяхъ человѣческой жизни, естьли кому неизвѣ-

извѣстно, сколь много такихъ нещастныхъ случаевъ, которые могутъ добродѣтельнаго человѣка привести въ ихъ состоянiе. Какъ могу я совершенно знать, что незнакомецъ, просящiй у меня ради Бога помощи, можетъ быть не столь честный человѣкъ, который желаетъ освободиться отъ бѣдности, и коего мой отказъ повергнетъ въ отчаянiе?

Кто говоритъ: Богъ дастъ! тотъ долженъ помышлять, что Божескiе дары находятся у людей, и что на земли нѣтъ для нихъ другаго хранилища, кромѣ запасныхъ житницъ богачей.

Лучше ли быть свободнымъ, нежели невольникомъ? лучше ли послѣднiе испускать вздохи, нежели первыя проливать слезы? Лучше ли удивляться разыгранiю

 прекра-

прекрасной пїесы, нежели съ раченїемъ размышлять о запутанныхъ узлахъ? Но ты надѣешься долѣе жить, и боишься смерти.

Хотя мы жалуемся на краткость жизни: однако мы еще больше сократили бы ее, естьли бы то состояло въ нашей власти. Сколь часто говоримъ мы, когда увижу я конецъ дня сего? Я желалъ бы, чтобъ сей мѣсяцъ уже прошелъ! Сколько продолжительна зима! Когда опять наступитъ весна!

Научись, любезный Гали! что разумный человѣкъ, который говоритъ съ остановкою и скромностїю, никогда не будетъ почтенъ глупымъ. Въ какой бы странѣ кто ни былъ, не возможно, чтобъ о человѣкѣ судили по тому, что онъ не говоритъ; и за то презирали

рали, что онЪ молчитЪ. Напротивъ примѣтно, что люди, кои любятЪ молчаніе, тѣмЪ уловляютЪ другихЪ, и что, когда говорятЪ они, тѣмЪ большее пріобрѣтаютЪ вниманіе. Когда они изберутЪ случай и учинятЪ то, что нимало изЪ того, о чемЪ будутЪ говорить, не могутЪ потерять: то весь верьхЪ остается на ихЪ сторонѣ.

Естьли ты не изЪ другаго какого побужденія, какЪ по своему благородному образу мыслей, вступишься за человѣка одареннаго превосходными талантами, котораго хотятЪ утѣснить: то будь готовЪ кЪ претерпѣнію поношенія отЪ каждаго глупца, лѣнивца, горделиваго и завистника.

Салединъ и Фатьма.

Нещастный Салединъ! безъ друзей, безъ надежды, что осталось у тебя теперь изъ всѣхъ великихъ сокровищъ, которыми ты владѣлъ? Не много сорочинскаго пшена и яда. ——Ну! я сварю это вмѣстѣ, и то составитъ мой послѣдній пиръ.

Салединъ кладетъ сорочинское пшено и ядъ въ горшокъ, наполненный водою, ставитъ его на огонь, и продолжаетъ тако:

И такъ я отрекусь жизни! И——что еще для меня дороже оной, отъ любьви Фатьмы.

Фатьма, которая меня любитъ, желала соединиться со мною священнѣйшими узами. О Магометъ! отрекусь ли я такого щастія?

Такъ точно! ибо когда, о роскошный Салединъ! всѣ богатства пред-

предковъ твоихъ ты расточилъ, и столь часто употреблялъ во зло благосклонность Фатьмы: то не уже ли пожелалъ бы ты лишить ее и малаго оставшагося у ней имѣнія? Не уже ли пожелалъ бы ты повергнуть ее съ собою въ глубочайшую пропасть бѣдности?

Нѣтъ, да уничтожится прежде прахъ костей твоихъ! — Былъ ли ты сотворенъ для соединенія съ добродѣтельнѣйшею душею? Стократно говорилъ я моему воспаленному сердцу, излей воду на пламень снѣдающій тебя: но слова мои терялись въ воздухѣ.

Я погибъ! Я умру! О честь! Ощущаю въ себѣ твой голосъ, послѣдую твоему повелѣнію. Уста мои клялись Фатьмѣ, что перемѣню свое поведеніе. Но я клялся ложно! По столь великомъ пре-

ступленіи лучше предстать мнѣ взору смерти, нежели взору Фатьмы.

Между тѣмъ, какого превосходнаго сокровища лишусь я такимъ образомъ! Каждый день видалъ я свою Фатьму, разговаривалъ съ нею, и слышалъ ея голосъ. Какъ была она любезна сердцу моему! Какое благополучіе, о небо, вкушалъ я по ней! Какое ощущалъ удовольствіе, когда токмо слыхалъ тихій шумъ ея походки!

Сіе удовольствіе, которое заглушало мои чувства, содѣлывало, что сердце мое изображалось въ очахъ, а вся душа присудствовала въ слухѣ.

О Фатьма! Ты равнымъ образомъ любишь меня. Тогда цвѣтъ весенней розы не былъ столь свѣжъ, какъ цвѣтъ твоихъ ланитъ; когда

да любовникЪ твой привѢтствовалЪ тебя сладкимЪ поцѢлуемЪ; и когда прижималЪ тебя любовными объятіями кЪ своей груди.

НѢжнѢйшая, нещастнѢйшая Фатьма! Сколь глубокія получитЪ сердце твое раны, когда извѢстіе о смерти моей достигнетЪ слуха твоего! Уже я зрю, какЪ ты, имѢя блѢдныя ланиты и пламенные очи, терзаешь своими нѢжными руками власы, раздираешь одежду, и ударяешь вЪ свою трепещущую грудь.

Но, хотя предохранилЪ бы я тебя отЪ печали; однако было бы то краткая токмо отсрочка. Что говорю я нещастный? Естьли бы ты на одно мгновеніе удержала меня на краю бездны: то бы, будучи участницею вЪ моей судьбѢ, купно со мною низверглась вЪ оную, и я, будучи причиною твоего нещаща-

щастія и смерти, понесъ бы ужасное мученіе съ собою во гробъ.

Тутъ Салединъ беретъ ложку, для снѣденія своей смертоносной пищи. Но, дабы при послѣднемъ часѣ не учинилось помѣшательства, хочетъ запереться. Въ то самое время, когда хочетъ захлопнуть дверь, видитъ приходящую Фатьму. Онъ съ трепетомъ отступаетъ назадъ, и Фатьма начинаетъ говорить тако:

Какъ веселится сердце мое, опять увидя тебя, любезный Салединъ! Но я весьма устала и желала бы сколько-нибудь укрѣпиться пищею; подлинно дашь ли мнѣ какой-нибудь пищи? Возлюбленный!

Салединъ.

У меня никакой нѣтъ пищи.

Фать.

Фатьма.

Изготовленное тобою сорочинское пшено не уже ли оставишь для другаго кого, который любезнѣе тебѣ Фатьмы?

Салединъ.

О небо! Восможно ли, чтобъ кто-нибудь былъ любезнѣе тебя? Ахъ, Фатьма! Повѣришь ли ты тому?

Фатьма.

Но почему же нимало не предложилъ мнѣ своей пищи?

Салединъ (въ изумленіи).

Почему?—— Или ты сумнѣваешься въ добромъ Салединовомъ сердцѣ?

Фатьма.

Нѣтъ, мой возлюбленный! А я подумала, что ты отринулъ мою прозьбу. Прости мнѣ.

Фатьма вырываетъ у Саледина изъ рукъ блюдо съ сорочинскимъ пшеномъ, и онъ не имѣетъ довольно силы противиться. Потомъ взираетъ на него, и говоритъ:

Что я вижу, о небо! Въ какое смущенiе приводишь ты меня! Ты перемѣняешься въ лицѣ! Ты мещешь на меня ужасные взоры! Руки твои трясутся! Власы становятся дыбомъ! Не приключилось ли тебѣ какого новаго нещастiя? Говори и дай мнѣ скорѣе знать о томъ.

Салединъ повергается къ ногамъ Фатьмы, и отводитъ ея руку въ то самое время, какъ она хочетъ коснуться устами сорочинскаго пшена. ——

Остановись Фатьма! Что ты дѣлаешь? Не вкушай ради неба сей пищи.

Фать-

Фатьма.

Для чего?

Салединъ.

Сіе пшено.—

Фатьма.

Ну, что же такое?

Салединъ.

Смѣшено съ ядомъ.

Фатьма.

Небо! Что я слышу! И ты самъ его изготовилъ? Чтожъ ты хотѣлъ съ нимъ учинить? Я трепещу. Жестокій! Ты хочешь умертвить себя; я довольно то вижу.

Салединъ.

Честь——ужасная бѣдность, въ которую я самъ себя повергъ, стыдъ уничтожить твое щастіе, и страхъ содѣлать тебя толико же нещастною, какъ себя.——

Фатьма.

Нѣтъ для меня большаго нещастія, какъ лишиться тебя. Но знаю, что судьба твоя весьма перемѣнилась; мнѣ нѣчего больше бояться, я говорила съ верьховнымъ Судіею; я увѣрила его, что тебя совсѣмъ обокрали и весьма обманули; ты получишь опять во владѣніе все свое имѣніе; ничто болѣе не противоборствуетъ нашему щастію.

О любезный мой Саладинъ! Не оскорбляй болѣе Провидѣнія недовѣрчивостію. Естьли оно попускаетъ иногда нашему нещастію достигнуть высочайшей степени: то сіе случается для того, дабы мы научились лучше располагать щастіемъ.

ОТДѢ-

ОТДѢЛЕНІЕ 11.

Острота нашего времени.

Любезный Гали! когда учился я Нѣмецкому языку, то не находилъ слова столь многоразличное знаменованіе имѣющаго, какъ слово: — *Острота* Иной разумѣетъ подъ онымъ то, другой другое. У нѣкоторыхъ острота значитъ тоже, что премудрость; у другихъ естественный разумъ. Любосластный думаетъ, что острота состоитъ въ тонкихъ способахъ къ роскоши; корыстолюбивый ищетъ ее въ необыкновенныхъ процентахъ; бродяги въ битьѣ окончинъ; развращенный Студентъ въ щегольствѣ и забіячествѣ. Стряпчій почитаетъ себя острымъ, естьли вы-

 мышляетъ

мышляетъ ябедничества; а педантъ, когда играетъ словами.

Госпожа почитаетъ себя острою, естьли отсутствующія пріятельницы соблазняются ея поведеніемъ; купецъ, естьли съ постояннымъ видомъ говорилъ ложь, а игрокъ, естьли уловляетъ невинныхъ юныхъ наслѣдниковъ въ сѣти свои.

Какіе изъ столь различныхъ мнѣній воспріять мнѣ? Выборъ труденъ; лучше ни одного не буду придержаться; но опишу остроту по собственному своему воображенію.

Никто не будетъ утверждать, что острота во всѣ времена была одинакова. Нѣтъ! Но что въ одно столѣтіе почиталось мудростію, то въ слѣдующее глупостію. Правда, было время, когда то почиталось

талось острошою, естьли кто въ собраніи говаривалъ колко, не причиняя однакожъ никому тѣмъ личной обиды. Но нынѣ совсѣмъ иначе думаютъ.

Любезный Гали! я не хочу говоришь тебѣ объ острошѣ прежнихъ временъ; но вмѣсто того опишу остроту нашего времени.

Пробраться въ переднюю такого человѣка, котораго, подобно грибу, вдругъ учинившагося великимъ, пріобрѣтается довѣренность колѣнопреклоненіемъ, потомъ приласкать маленькую собачку супруги его, и получить изъ рукъ его (или можетъ быть и по собственному его вкусу) жену. —— То есть острота нашего времени.

Завесть въ своемъ домѣ игорный съѣздъ, гдѣ всѣ запрещенныя разыгрываются игры, усыпить со-

глядателей, посылаемыхЪ отЪ Управы Благочинія, или устремить ихЪ на бѣдныхЪ людей; между тѣмЪ жить, какЪ богатому человѣку, во всякомЪ увеселеніи и роскоши.——То есть острота нашего времени.

Ссужать деньги подЪ заклады, а юнымЪ наслѣдникамЪ за чрезвычайные проценты, и препятствовать имЪ своею услужливостію, уподобляться жадностію кЪ деньгамЪ жидамЪ, которые и безЪ того меньше отцевЪ своихЪ походятЪ на нихЪ.——То есть острота нашего времени.

Прибыть со всѣмЪ великолѣпіемЪ шарлатана вЪ великій городЪ, достать вольную грамоту на умерщвленіе простаковЪ пудрою и помадами, найти тѣмЪ средства повсюду надыматься щегольскимЪ

скимъ платьемъ и ѣздить въ каретѣ въ четыре лошади.—— То есть острота нашего времени.

ОТДѢЛЕНІЕ 12.

Исторія объ Альмамулинѣ.

Во время царствованія Кингисхана, Побѣдителя востока, жилъ въ Самаркандѣ именитый и богатый купецъ, именемъ Нурадинъ; лавки его были наполнены всѣмъ тѣмъ, что природа и искусство отмѣннаго производили. Какъ скоро видалъ онъ что - нибудь полезное или рѣдкое: то не прежде успокоивался, какъ получивъ оное во владѣніе. Обозы его запирали дороги, а корабли покрывали море. Вѣтеръ, съ которой бы стороны ни повѣялъ, привозилъ ему сокрови

ща. Однако все сіе не могло предохранить его отъ тяжкой болѣзни, въ которую онъ впалъ, и отъ которой надѣялся освободиться сугубымъ прилѣжаніемъ въ своихъ упражненіяхъ. Онъ здѣлалъ новые прожекты; но вскорѣ нашелъ, что, для отвращенія зла, совсѣмъ другія нужны были средства, а не сей способъ разсѣянности. Потомъ отложивъ всякіи трудъ, старался возстановить свое потерянное здравіе драгоцѣнными ѣствами и всякаго рода веселостями, но тщетно. Ему надлежало прибѣгнуть ко врачамъ.

Сіи ходатаи жизни, лишь посмотрѣли на руку, наполнили покой больнаго эссенціями и крѣпительными лѣкарствами. Прекрасныя жемчужины океана были разтираемы, Аравійскіе коренья дистил-

стиллировались, и всѣ силы природы призываемы, для доставленія жизненнымъ Нурадиновымъ духамъ новой силы, и бальсамическаго свойства крови его. Ничто не дѣйствовало. Больной печалился и негодовалъ, что временныя сокровища не во всемъ помогаютъ, и что не можно купить на нихъ здравія. Между тѣмъ великое отвращеніе его отъ смерти всегда подавало ему нѣкоторую надежду еще прожить нѣсколько лѣтъ.

Но, препроводивъ нѣкогда одну ночь въ смертельной слабости, приказалъ предстать предъ себя единородному своему сыну Альмамулину. Любезный сынъ, говорилъ онъ ему, (приказавъ выттти вонъ своимъ слугамъ,) вотъ сколь мы слабы и некрѣпки! Нѣсколько недѣль назадъ тому отецъ твой

былъ важенъ и благополученъ, онъ былъ свѣжъ, какъ весенняя роза, и крѣпокъ, какъ горный кедръ; Азіатскіе народы пили росу его, и торговля съ удовольствіемъ процвѣтала подъ его тѣнію. Зависть, устремляя на меня взоры свои, воздыхала: это такое древо, говорила она, коренья котораго досязаютъ источниковъ океана. Вѣтви его по всюду разпростираются; оно презираетъ свирѣпость вѣтра; благоразуміе опирается о пень его, и на вершинѣ осклабляется благополучіе.

Но теперь, Альмамулинъ, вотъ какъ увялъ я и опустился, смотри на меня и примѣть то. Я отправлялъ торговлю, и всѣ мои предпріятія сопровождались барышемъ. Изобиліе господствуетъ въ моемъ домѣ, и число

слугъ велико. Но я токмо часть одну показалъ свѣту. Прочее заключено въ башнѣ и въ подземныхъ пещерахъ засыпано землею, какъ ты узнаешь изъ пергамина, который при семъ вручаю тебѣ. Я въ тѣхъ мысляхъ сею частію токмо моего имѣнія довольствовался, дабы не привлечь на себя зависти и алчности. Я предпріялъ еще десять мѣсяцевъ торговать, и потомъ удалиться со всѣми сокровищами въ иную землю, гдѣ богатый человѣкъ меньше опасаться долженъ.

Тамъ хотѣлъ я семь лѣтъ посвятить р а д о с т и и веселостямъ; и послѣ того совершенно оставить свѣтъ, и помышлять только о смерти. Но чувствую, что конецъ мой уже приближается, кровь густѣетъ въ жилахъ моихъ,

ихЪ, я теперь хочу проститься съ плодами раченія моего и препоручить тебѣ оные на разумное употребленіе.

Мысль, скоро оставить свои сокровища, причинила Нурадину столь жестокую боль, что не могЪ перенесть ее. ОнЪ нѣсколько минутЪ находился безЪ разума; но какЪ скоро не много пришелЪ вЪ себя, то испустилЪ духЪ.

Альмамулина, который любилЪ отца своего, сія смерть сильно поразила; онЪ пребывалЪ цѣлыхЪ два часа вЪ глубокой задумчивости, не заглядывая на полученный имЪ пергаминЪ. ПотомЪ, такЪ какЪ весьма опечаленный человѣкЪ, удалившись вЪ свою комнату, прочитывалЪ спокойно роспись неизмѣримаго своего богатства. ОнЪ приказалЪ похоронить отца сЪ отмѣнною сла-

вою

вою. ПослѢ того сынЪ НурадиновЪ слѢдующія двѢ ночи препроводилЪ вЪ отыскиваніи башни и пещерЪ, гдѢ и нашелЪ еще гораздо больше сокровищь, нежели какЪ представляло ему воображеніе.

Поелику онЪ былЪ воспитанЪ непышно, но сЪ умѢреннымЪ расходомЪ: то зналЪ увеселенія пріобрѢтаемыя великими издержками не сЪ другой какой стороны, какЪ по желанію, которое ощущалЪ иногда, видя молодыхЪ людей себѢ равнолѢтныхЪ расточающихЪ деньги. И такЪ воображалЪ, что вещи, тщетно доселѢ имЪ желаемыя, уже могутЪ его удовольствовать, и содѢлать изЪ него щастливѢйшаго человѢка.

ВопервыхЪ возымѢлЪ онЪ попеченіе о великолѢпномЪ экипажѢ. Домочадцы получили богатое платье;

тье; латы были золотые; бросалЪ великую сумму вЪ народЪ, и за то платили ему радостными восклицаніями, которыя ни кЪ чему болѣе не служили, какЪ кЪ содѣланію его высокомѣрнымЪ. Дворянство взирало на него яростными очами; министры соединились противЪ него, и Генералы клялись его погубить. АльмамулинЪ, примѣтивЪ опасность угрожавшую ему, сталЪ показываться предЪ своими непріятелями униженнымЪ и печальнымЪ, и задобривать ихЪ золотомЪ, драгоцѣнными каменьями, и низкими поклонами.

Дабы не столько подвержену быть дѣйствіямЪ насилія ихЪ, старался онЪ сЪ тѣмЪ или другимЪ ТатарскимЪ принцемЪ вступить вЪ союзЪ, и обѣщалЪ, лишь только бы взять за себя жену изЪ знатна-

го состоянія, такую сумму, за которую можно купить королевство. Требованія его и самые подарки были отринуты. Только одна Астраханская принцесса позволила ему посѣтить себя. Она приняла его, сидя на престолѣ. Въ царскомъ великолѣпіи блистала она Голкондскими діамантами; глаза ея сверкали, и казались повелѣвающими; чело ея было сѣдалищемъ величества. Альмамулинъ, приближась къ ней, казался отъ страха совсѣмъ внѣ себя. Она, увидя смущеніе, презрѣла его.

„Сей нещастный, сказала она, „будучи слабъ снести мое сіяніе, „думаетъ еще учиниться моимъ „повелителемъ. Удались и на„слаждайся богатствомъ съ низкою „славою! Ты рожденъ токмо быть „бога-

„богатымЪ; но великимЪ никогда „не будешь.„

АльмамулинЪ, понесши сіе безчестіе, опустилЪ крылья своего честолюбія, и здѣлалЪ новые прожекты кЪ благополучію, которые хотя не столь были знатны, но основательнѣе. ОнЪ создалЪ домЪ; украсилЪ увеселительные сады; пересадилЪ лѣса; снесЪ горы; завелЪ великія алеи; водометы начали бить сЪ башень, и принудилЪ рѣки другое воспріять теченіе.

Сіи перемѣны нравились ему; но потомЪ наскучили. Цвѣты на его увеселительныхЪ ложахЪ бальзамировали воздухЪ; но онЪ не обонялЪ того; онЪ одинЪ не слышалЪ тихаго шума воды. НакупилЪ вЪ отдаленныхЪ провинціяхЪ помѣстьевЪ; украсилЪ ихЪ

увеселительными домами, которые принаровлены были къ различнымъ временамъ года. Но вскорѣ удовольствіе его въ столь различныхъ жилищахъ прошло; онъ опять возвратился въ Самаріанду, и далъ свободный входъ всѣмъ похлѣбщикамъ. Столъ его всегда уставленъ былъ отмѣннѣйшими плодами; драгоцѣнные вина видимы были сквозь кристальные стаканы, и изящнѣйшія специи распростирали свое упокоевающее благовоніе по его покоямъ. Трогающій звукъ лютни и согласіе прекрасныхъ голосовъ отгоняли всякую печаль; каждый часъ ознаменованъ былъ новымъ увеселеніемъ, и казалось, что удовольствіе обитаетъ въ его домѣ.

„Наконецъ нашелъ я вскри„чалъ онъ, правильное употребле„ніе

„ніе богатства. Я содѣлываю лю-
„дей щастливыми, которые точно
„мнѣ не завидуютъ; я наслажда-
„юсь удовольствіемъ, что не толь-
„ко учинюсь удивительнымъ, но
„и буду въ безопасности, что
„единственно токмо составляетъ
„преимущество низкаго состоянія.
„Благодѣтель тѣхъ, которые все-
„гда окружаютъ его, долженъ со-
„вершенно ожидать отъ нихъ прі-
„язни, и какая опасность можетъ
„повстрѣчаться съ человѣкомъ,
„окружаемымъ истинными друзь-
„ями?

Въ то время, когда говорилъ онъ еще симъ тономъ, разсыльщикъ судебный повѣстилъ явиться предъ Короля, и дать отвѣтъ въ принесенной на него жалобѣ. Похлѣбщики его, казавшіеся отъ изумленія совсѣмъ внѣ себя, одинъ

по одному украдкою разошлись и никого не осталось къ его утѣшенію. Между тѣмъ онъ оправдался, и челобитчикъ, который былъ его любимецъ, и который ложно донесъ на него для того; поелику, по случаю осужденія своего благодѣтеля, надѣялся что-нибудь достать себѣ, наказанъ за ложный доносъ потерею своей вольности.

Тутъ познал Альмамулинъ, сколь много онъ обманулся, ожидая отъ людей, невольниковъ чувствъ ихъ, вѣрныхъ наклонностей и услугъ. Утрудясь отъ безполезнаго исканія средствъ для составленія благополучія помощію фанатическихъ увеселеній и расточительности, сталъ искать наконецъ мудреца, жившаго въ уединеніи на брегу Оксуса.

„Другъ мой, сказалъ ему сей „Философъ, ты попустилъ обмануть себя ложному виду благъ. „Любовь богатства принудила тебя, приписать ему такое достоинство, котораго не дала ему „природа. Ты надѣялся, что сокровища доставятъ тебѣ что-нибудь чрезвычайное. Владѣніе ими „не содѣлываетъ насъ благоразумными; ибо ты, при первомъ своемъ „вступленіи въ большой совѣтъ, „довольно дорого покупалъ пустый „шумъ, когда простый народъ дарилъ тебя своими радостными „плесками. Естьли бы багатства „давали намъ власть и великія чувствованія: то не вострепеталъ „бы ты въ А... предъ женщиною, „и странныя мысли о бракѣ, который учинился бы для тебя неизсыхающимъ источникомъ со-

„вер-

„вершенной досады, никогда бы не „пришли тебѣ на умъ. Омерзѣніе „и прискорбіе, которое ощущалъ „ты среди многихъ домовъ, дало „тебѣ познать, что таковыя уве„селенія весьма скоро теряютъ пре„лесть свою, и бываютъ отвра„тительны; а что касается до „друзей, которыхъ думаютъ содѣ„лать вѣрными себѣ хорошимъ „столомъ; то подлинно ты ихъ „испыталъ, какъ всѣ они тебя ос„тавили. Но не воображай, что „блага земныя совсѣмъ безполезны. „Естьли съ благоразуміемъ удѣ„лять ихъ требующимъ: то об„легчаютъ онѣ боль неизлѣчи„мыхъ болѣзней; останавливаютъ „уныніе, и предохраняютъ невин„ность отъ ига притѣсненія. Въ „семъ онѣ сильны; старайся содѣ„лать ихъ полезными тебѣ, и

„употребляй для снискиванія благополучія, какое токмо можно „имѣть въ здѣшней жизни. Оно „состоитъ въ несомнѣнной вѣрѣ, „что Богъ есть свидѣтель всѣхъ „твоихъ хорошихъ поступковъ, и „что ни одинъ изъ нихъ въ день „Суда не останется безъ награж„денія.

Альмамулинъ, уловленъ будучи выговорами философа, употребилъ сіе наставленіе въ свою пользу; онъ послѣ того жилъ въ помѣстьяхъ своихъ мирно и спокойно, и скончался, оставивъ имѣніе восхищающимся наслѣдникамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 13.

Философскія мысли.

Видишь ли оный колосъ, который повергъ серпъ жнеца? Зерна

его

его изочтены; каждое изъ нихъ имѣетъ нѣчто отличающее его отъ прочихъ. Раздѣлъ уже учиненъ. Нѣкоторыя зерна назначены для птицъ небесныхъ, которыя ни сѣютъ ни жнутъ; другія для насѣкомыхъ, презираемыхъ людьми; поелику не знаютъ они ни употребленія ихъ ни пользы, но любезныхъ Богу, яко Творцу ихъ; иныя для земли, дабы сохранить родъ, а прочее для крестьянина и дѣтей его.

Удивляйся вѣрности, съ каковою исполняютъ времена года свои обязанности. Каждое имѣетъ свое собственное употребленіе и особенную доброту. Весна обѣщаетъ, ибо она есть время надежды; лѣто и осень поручаются, ибо онѣ суть времена благодѣянія; а зима, сіе безплодное время покоя, приготов-

ляетъ новыя надежды, за кото-рыми будутъ слѣдовать новыя бла-годѣянія.

Люди многимъ весьма спаси-тельнымъ вещамъ придали про-тивныя эпитеты. Напримѣръ, го-ворятъ они: суровая работа, но она укрѣпляетъ тѣло; ужасный мракъ, но онъ приглашаетъ насъ къ покою; жестокія нещастія, но онѣ приводятъ насъ къ добродѣ-тели и смиренію. Разсуждай о самыхъ вещахъ не придерживаясь эпитетъ, (прилагательныхъ и-менъ).

Находится нравственное рав-новѣсіе, и душа часто не знаетъ, на которую должно склониться сторону. Естьли сіе съ тобою случится, всегда предпочитай то, что больше требуетъ труда, и меньше обѣщаетъ удовольствія; ибо

ибо естьли бы не было поощреній удовольствія и отвращенія къ труду: то бы равновѣсіе не имѣло мѣста. Приведи душу твою въ то положеніе, которое ей приличествуетъ.

Люди много о себѣ мыслящіе не охотно слушаютъ о прекрасныхъ вещахъ: ибо они боятся, при изъявленіи своего удивленія или нечувствительности, обнаружить свой недостатокъ во вкусѣ, или невѣжество.

ОТДѢЛЕНІЕ 14.

Басни о Тифонѣ и Эндиміорѣ.

Въ древнія времена Аврора, весьма сильно влюбившись въ Тифона, дабы всегда наслаждаться супружескимъ его обхожденіемъ, просила Юпитера даровать любимцу ея безсмертіе.

Но по женской неразсмотрительности позабыла присоединить къ ея прозбѣ то обстоятельство, чтобъ старость никогда его не обременяла. Юпитеръ удовлетворилъ ея желанію, и освободилъ Тифона отъ необходимости умереть: но весьма жалостная и болѣзненная старость постигла его, такъ какъ обыкновенно это случается съ безсмертными, которыхъ тягость лѣтъ непрестанно умножается. Наконецъ сіе бѣдное Тифоново состояніе столько тронуло Юпитера, что онъ изъ состраданія превратилъ его въ кузнечика.

Сія басня есть разумное и живое изображеніе роскоши. Она съ начала, подобно утренней зарѣ, [Аврора] имѣетъ столь много прелести, что люди желаютъ,

чтобъ

чтобъ сія радость вѣчно продолжалась, и была съ ними неразлучна, не помышляя о скукѣ и досадѣ, которая впредь, подобно обременительной старости, сверьхъ чаянія постигнетъ ихъ, такъ, что таковые люди, хотя напослѣдокъ оставляютъ любострастные поступки; но поелику чувственное пожеланіе и страсть остается съ ними, увеселяются разговорами и повѣствованіями о такихъ вещахъ, которыя вѣ цвѣтущемъ ихъ возрастѣ доставляли имъ чувственное удовольствіе. Такъ вообще поступаютъ любострастные старцы и дряхлые; оные расказываютъ о своихъ юношескихъ вертопрашествахъ весьма часто въ гнусныхъ выраженіяхъ; а сіи о своихъ геройскихъ подвигахъ. Сіи старцы съ обѣихъ сторонъ похо-

 дятъ

дятъ на кузнечиковъ, которыхъ живость и сила состоитъ токмо въ голосѣ.

Луна, по сказанію Басни, сильно влюбилась въ пастуха Эндиміора. Родъ обхожденія ея съ нимъ былъ совсѣмъ необыкновенный и странный. Онъ леживалъ въ одной природою устроенной пещерѣ внизу каменныхъ утесовъ, и сыпалъ почти всегда; а Луна, весьма часто низходя съ неба, цѣловала сонливаго красавца, и потомъ опять всходила на небо.

При семъ случаѣ то было весьма достойно замѣчанія, что отъ недѣятельности спящаго Эндиміора не послѣдовало ничалѣйшаго вреда во внѣшнихъ его обстоятельствахъ: ибо Луна между тѣмъ смотрѣла за скотомъ любимца ея, отъ чего онъ учинился

весьма

весьма тучнымъ, и преимущественно умножался такъ, что ни одинъ пастухъ не имѣлъ столь изряднаго и многочисленнаго стада.——

Сія Басня повидимому есть картина образа мыслей и нравовъ Принцевъ. Они, будучи высокомѣрны и склонны къ подозрѣнію, рѣдко избираютъ въ число друзей своихъ такихъ особъ, которыя, имѣя много прозорливости и великую склонность мѣшаться во многія дѣла, мало спятъ, и всегда бодрствуютъ; но наипаче такихъ, которые имѣютъ спокойное и подражательное свойство; которые съ простодушною покорностію всегда любятъ то, что любезно Принцамъ; которые ничего не изслѣдываютъ, но показываютъ себя не любопытными, словомъ, людьми не

мыслящими, но повидимому спящими. СЪ таковыми людьми Принцы, при низхожденіи сЪ престола, подобно какЪ Луна сЪ высокой сферы, и по отложеніи характера, котораго всегдашнее удержаніе было бы для нихЪ весьма несносно, вообще находили удовольствіе дружески обходиться, и были такЪ же увѢрены, что имЪ при сихЪ обстоятельствахЪ нѢчего было опасаться.

Сіе особливо примѢчено за ИмператоромЪ ТиверіемЪ, вЪ разсужденіи одного Принца, сЪ которымЪ обходился онЪ весьма щекотливо. ТѢ токмо были его любимцами, которые совершенно знали свойство и нравы его, но впрочемЪ во всѢхЪ поступкахЪ всегда показывали себя глупыми.

Такое же обыкновеніе имѣлъ Людовикъ XI, король Французскій, прозорливѣйшій и расторопнѣйшій Государь.

Обстоятельство въ Баснѣ о пещерѣ Эндиміоровой весьма изящно. Поелику вообще любимцы Принцевъ обладаютъ нѣсколькими пріятными домами или увеселительными садами, куда они весьма часто приглашаютъ ихъ для отдохновенія и успокоенія духа.

Таковые любимцы всегда достаютъ себѣ щастіе: ибо хотя Принцы можетъ быть не возводятъ ихъ на высокія достоинства; однако тѣмъ щедрѣе дарятъ ихъ; поелику они любятъ Принцевъ по одной истинной наклонности, а не для выгоды.

ОТДѢЛЕНІЕ 15.

Истинная исторія.

Издревле Аѳины были жилищемъ Музъ превосходнѣйшимъ на свѣтѣ. Жаждущее просвѣщенія юношество стекалось туда со всѣхъ мѣстъ. Римлянинъ Титъ Квинтъ Флавій равномѣрно посѣтилъ сіе училище. Флавій во время своего тамъ пребыванія завелъ знакомство. Онъ совершенно подружился съ однимъ знаменитымъ и богатымъ человѣкомъ, по имени Гессипомъ. Вскорѣ оба сіи друзья соединились такъ, что казалось какъ будто въ обоихъ одна токмо живетъ душа. Между тѣмъ Гессипъ влюбился въ одну достойную почтенія Софронію; онъ уловилъ ее, соглашеносъ съ обѣихъ сторонъ

ронЪ, и приготовлялись кЪ браку. И такЪ хотя ничто не сопротивлялось желанію Гессипову, токмо онЪ не прежде могЪ почесть себя совершенно щастливымЪ, какЪ увѢдомивЪ о своемЪ удовольствіи Тита. ОнЪ открылЪ ему предпріятіе свое; да и вскорѢ потомЪ привелЪ его кЪ красавицѢ.

Едва влюбленный другЪ показалЪ Титу Софронію, вдругЪ дружество совсѢмЪ невиннымЪ образомЪ чрезвычайно поколебалось. Ибо ТитЪ сЪ того мгновенія, сильно влюбившись вЪ прекрасную Гречанку, сЪ одной стороны дружествомЪ, а сЪ другой любовію столь жестоко мучимЪ былЪ, что отЪ того здѢлался боленЪ. Хотя познавалЪ онЪ, сколь подло напасть на своего друга сЪ самой чувствительнѢйшей стороны, гдѢ господствовала любовь:

бовь: но вЪ тоже самое время оправдывалЪ свою собственную наклонность, спорить сЪ другомЪ о сей красавицѢ. Представленія и сильныя душевныя движенія умножали его горячку, а смущеніе, которое чувствовалЪ, стараясь открыть начало своего страданія, весьма скоро повергло его вЪ опасность жизни.

ГессипЪ, извѢстившись между тѢмЪ о болѢзни друга своего, здѢлался неутѢшенЪ, и когда услышалЪ отЪ врачей, что другЪ его точно умретЪ, естьли не обЪявитЪ причины своей печали: то заклиналЪ Тита открыть ему тайну. Но чѢмЪ больше ГессипЪ приставалЪ кЪ нему; тѢмЪ больше упорствовалЪ сказать ему истинну.

ТитЪ думалЪ, что безчестно Римлянину открыть свою слабость, и признательностію вЪ непозволен-

ной

ной страсти повредить нѣжность дружества. Иногда сожалѣлъ онъ о томъ, что завелъ съ Гессипомъ столь тѣсную дружбу; иногда упрекалъ себя измѣною, которую вдыхала ему великая сила любви. Но поелику любовь всегда дерзновеннѣе дружества, и притомъ Титъ находился въ обстоятельствахъ, возвѣщавшихъ ему близкій конецъ: то напослѣдокъ открылъ Гессипу причину своего нещастія. Между тѣмъ признался онъ съ толикимъ смущеніемъ и съ столь великимъ прискорбіемъ, что Гессипъ почти столь же много возъимѣлъ сострадания къ сему неразумному любовнику, сколько имѣлъ нѣжности къ Софроніи. При открытіи сей тайны Гессипъ смутился, воздыхалъ и наблюдалъ глубокое молчаніе. Любовь въ душѣ его сражалась съ друже-

ствомъ и искреннее дружество съ нѣжною любовію за красавицу; онъ не зналъ на что рѣшиться, друга ли предать смерти, или оставить свою невѣсту? Разумъ ходатайствовалъ за друга, а сердце за Софронію. Наконецъ любовь уступила дружбѣ; онъ препоручилъ красавицу Титу на слѣдующихъ условіяхъ:

Онъ, то есть Гессипъ, для избѣжанія худаго предлога, публично сочетался съ пригожею Гречанкою; а Титу надлежало вмѣсто его ночью взойти на брачное ложе, но чтобъ во всемъ весьма осторожно поступлено было, дабы Софронія нимало того не примѣтила. Сіе произведено въ дѣйство, и молодому Римлянину нечаянно удалось.

Спустя нѣсколько времени Титъ позванъ былъ въ Римъ. Не желая отпустить своей любезной,

онъ

онъ далъ знать Аѳинскому Сенату о всемъ случившемся, и требовалъ: чтобъ уступили ему Софронію, такъ какъ жену, которая, со времени публичнаго сочетанія ея съ Гессипомъ, исполняла всѣ должности супруги въ разсужденіи его. Главный Сенатъ немедлѣнно далъ Титу судъ, и Софронія, которая узнала о глупости Гессиповой, употребила къ тому всѣ силы, чтобъ Титъ выигралъ.

При сихъ обстоятельствахъ судьба Гессипова весьма поколебалась. Аѳинскій Сенатъ, стараясь отмстить за безчестіе, которое нанесъ городу его согражданинъ, отнялъ у Гессипа все имѣніе, и изгналъ вѣчно изъ отечества. Такимъ образомъ онъ принужденъ былъ переходить изъ одной стра-

ны въ другую и претерпѣвать повсюду великую бѣдность.

Наконецъ сей нещастный вознамѣрился отправиться въ Римъ. Онъ надѣялся, что можетъ быть благодарность побудитъ Тита возъимѣть надъ нимъ сострадание. Почему послѣшалъ въ Римъ, и пошелъ въ Капитолію, гдѣ Титъ занималъ мѣсто между Сенаторами. Онъ сталъ прямо противъ Тита, дабы тѣмъ лучше имъ узнану быть: но, или старой другъ не усмотрѣлъ его, или, поелику сей бѣдный Грекъ весьма перемѣнился, Сенаторъ не познАлъ Гессипа.

Гессипъ, неутѣшный Гессипъ принялъ то за хитрую политику. Онъ подумалъ, что Титъ его презираетъ. Въ сихъ мысляхъ перемѣнилъ онъ свое предпріятіе; оставилъ Римъ, и сокрылся недалеко

леко отъ города въ старой пещерѣ. Титъ хотѣлъ окончить бѣдность насильственною смертію, въ которую повергло его не иное что, какъ искреннѣйшее дружество. Тогда представлялось уму его все то, что токмо можетъ всегда представлять себѣ весьма опечаленная душа.

Онъ проклиналъ дружество, злословилъ любовь, осыпалъ ругательствами отечество свое, бранилъ всѣхъ людей, поносилъ Божество, и наконецъ призывалъ на помощь Фурій. Между тѣмъ наступила ночь, и нечаянно подошли къ пещерѣ два разбойника, которые другъ съ другомъ ссорились за добычу, дрались и проливали кровь.

Одинъ разбойникъ Публій Ампустъ, умертвивъ своего товарища, спасся бѣгствомъ. Въ слѣдую-

щее утро, нашедЪ подлѢ жилища Гессипова мертвый трупЪ, почли сего нещастнаго убiйцею. Схватили его, и повели вЪ судЪ, гдѢ тогда первое мѢсто занималЪ КонсулЪ фарусЪ.

ГессипЪ, который весьма доволенЪ былЪ симЪ приключенiемЪ, немедлѢнно обЪявилЪ себя убiйцею, и по собственному своему признанiю осужденЪ на смерть. Лишь только хотѢли изЪ Капитолiи вести его на мѢсто казни, вдругЪ СенаторЪ ТитЪ узналЪ его.

Сей благородный РимлянинЪ, видя друга своего вЪ такихЪ печальныхЪ обстоятельствахЪ, чрезвычайно изумился; и когда искренняя признательность овладѢла его сердцемЪ: то, ставЪ со стула палЪ на выю Гессипу, и призналЪ себя виновникомЪ того дѢла, за

которое

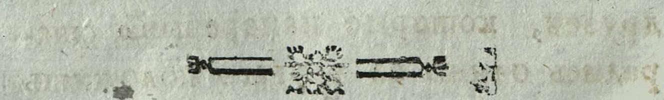
которое честнаго иностранца приговорено казнить.

Весь Сенатъ, видя Римскаго Сенатора, который обвинялъ себя въ такомъ преступленіи, и весьма желалъ наказанія, заслуживаемаго убивствомъ, и равнымъ образомъ незнакомца уже признавшагося въ злодѣяніи, въ крайнее пришелъ удивленіе. Между тѣмъ дотолѣ пребывало сіе въ неизвѣстности, пока Публій Ампустъ, дѣйствительный убійца, не продрался сквозь множество народа, и не объявилъ публично о убивствѣ. Сей человѣкъ примѣтилъ, что самое беззаконіе не можетъ остановить благородныхъ дѣйствій добродѣтели; онъ, какъ скоро увидѣлъ сихъ почтенныхъ друзей, которые наперерывъ старались одинъ за другаго положить жизнь, и при всемъ томъ за беззаконіе,

коніе, вЪ коемЪ они оба были невиновны, признался.

КакЪ скоро открылась истинна; тотчасЪ Тита и Гессипа освободили; да и что еще больше, даровали также свободу и убійцѢ Ампусту: поелику онЪ своимЪ признаніемЪ учинилЪ превосходное дѢло, и удачно рѢшилЪ сомнѢніе.

ПослѢ того ТитЪ не только доволенЪ былЪ спасеніемЪ жизни Гессиповой; но и отдалЪ ему половину имѢнія, и притомЪ сестру свою Флювію вЪ супружество. Почему послѣдствіе, не взирая на всѢ предЪидущія скучныя обстоятельства, было вождслѢнно и превосходно.

ОТДѢ-

ОТДѢЛЕНІЕ 16.

Сравненіе удовольствія съ досадою.

По повѣствованію одного древняго писателя, нѣкоторый изъ боговъ хотѣлъ удовольствіе и досаду вмѣстѣ стопить. Но опыты его не далѣе достигли, какъ что сіи оба непріятели слились своими концами, и внѣшнею фигурою образовали токмо амфибія страннаго образа.

Изобрѣтатель сей басни повидимому больше заслуживаетъ одобренія, нежели сколько заслужилъ бы Юпитеръ, когда удалось бы ему въ твореніи его. Онъ хотѣлъ сліяніемъ нашихъ пріятныхъ и противныхъ приключеній подать разумное наставленіе, что сіе смѣшеніе доставляетъ нашему

благополучію изящный вкусъ, и ядъ съ противуядіемъ имѣютъ превосходное противоположеніе въ нравственномъ, нежели въ физическомъ разумѣ.

Удовольствіе граничитъ съ досадою, такъ какъ сѣмя Божества нашего духа съ бреніемъ скотоподобнаго естества. Мы отъ перьваго къ послѣдней такъ непримѣтно можемъ переходить, какъ будто между сими противуположными чувствованіями никакого нѣтъ промежутка. Я не удивляюсь задумчивому, который при самомъ удовольствіи показываетъ печальное чело; и когда улыбается, то повидимому тогда же тайно плачетъ. Удовольствіе его покрыто черным облакомъ. Но мудрый весьма часто бываетъ таковымъ задумчивымъ. Онъ, даже при наслажде-

слажденіи своими удовольствіями, показываетъ нѣкоторое равнодушіе, которое есть первая степень задумчивости. Отъ досады до удовольствія весьма малое разстояніе; хотя впрочемъ мы не признаемся, что послѣ мрачныхъ облаковъ столь же скоро можно ожидать свѣтлаго неба, какъ послѣ пріятныхъ часовъ печальныхъ дней. Среди нещастнѣйшихъ приключеній часто весьма удобно плѣняетъ и успокоиваетъ насъ малѣйшая надежда, которая въ другомъ положеніи показалась бы намъ смѣшною и неосновательною. Мы столько же разумѣемъ науку искусно себя мучить; сколько науку искусно обманывать себя. Спросили одного человѣка, находившагося въ величайшемъ прискорбіи, для чего онъ не плачетъ? Плакать! отвѣчалъ

онъ,

онъ, нѣтъ, я бы отъ бѣшенства смѣялся. Въ самомъ дѣлѣ онъ смѣялся съ видомъ меньше притворнымъ, нежели суровымъ.

Въ нѣжной задумчивости находится нѣкоторый родъ удовольствія, подобно какъ въ полночи лѣта отмѣнная пріятность сего времени года. Предмѣтъ, извлекающій у насъ слезы, всегда остается любезнѣйшимъ предмѣтомъ и идоломъ нашего сердца. Долговременное владѣніе тѣмъ, что приносило намъ удовольствіе, оспориваетъ, даже во время потери онаго, древнія требованія на наше дружество. Антоній отъ Клеопатры учинился нещастнымъ. Онъ умиралъ отъ ея коварства: но не было для него пріятнѣе смерти, какъ смерть принятая отъ ея рукъ. Онъ былъ даже въ сіе время тотъ же Антоній,

нїй, котораго сїя прелестная Принцесса прежде того очаровала. Воспоминанїе того времени, вЪ которое наслаждались мы удовольствїемЪ, возбуждаетЪ воображенїе и прежнїя представленїя, производящїя вЪ насЪ всегда одинакїя чувствованїя. Добрый характерЪ принимаетЪ нашЪ нравственный вкусЪ даже вЪ то время, когда мы обвиняемЪ себя; поелику чувствуемЪ, что удобнѢе впадать вЪ слабости, нежели исполнять великїя добродѢтели. Во время препровождаемое нами вЪ задумчивости, думаемЪ мы сокровенно найти что-нибудь кЪ нашему утѢшенїю, лучь надежды изЪ хаоса чувствованїй, который извлекаемЪ мы сЪ великимЪ трудомЪ и подЪ чувствомЪ заслуги.

Люди, имѣющіе рану на тѣлѣ, весьма будутъ довольны, когда освободимъ мы ихъ отъ мучительной досады: но оплакивающій смерть любезнаго человѣка, мало благодарить насъ будетъ, естьли представимъ ему вечернюю музыку. Досада у обоихъ неодинакова. Здѣсь произходитъ она изъ вкушаемаго удовольствія, и существуетъ въ хаосѣ нашихъ благороднѣйшихъ склонностей, которыя всегда производятъ благородное чувствованіе, даже при самомъ изліяніи крови; а тамъ свирѣпствуетъ она въ загнившемъ сокѣ, и отнимаетъ у души своимъ насиліемъ силу господствовать надъ собою.

Нравоучители дѣлаютъ намъ весьма основательное привѣтствіе, когда они увѣряютъ насъ, что

стеченіе

стеченіе досады и пріятности означаетъ путь, исполненный намѣреній, для предохраненія насъ въ обѣихъ чувствованіяхъ отъ отступленій. Естьли бы способъ, какъ дѣйствуютъ на насъ удовольствіе и досада, лучше можно бы было изъяснить, нежели какъ до селѣ изъясняли мудрые; то бы въ семъ случаѣ больше изъясненій потемнилось. Удовольствіе происходитъ изъ чувствованія красоты, а красота находится въ согласіи частей, и въ ихъ пропорціи съ цѣлымъ. — Но дѣйствуетъ ли на насъ сіе согласіе? Можетъ быть посредствомъ естественнаго вкуса, который находимъ мы въ порядкѣ, и который есть родъ первоначальныхъ страстей: но сіе изъясненіе достаточно ли будетъ для распространенія даже до чувственныхъ

венныхъ удовольствій, которыя вдругъ касаются тѣла, крови и строенія нервъ? Можемъ ли приписать мы сей матеріи вкусъ порядка и пропорціи?

Естьли бы кто сталъ утверждать, что наружнія нити нашихъ нервъ имѣютъ такія вершины и ощутительныя точки, которыя при чувствованіи отъ внѣ чувственными предмѣтами столь совокупно трогаемы бываютъ, что отъ сей гармоніи произходитъ сотрясеніе, переходящее потомъ въ душу: то изъ великихъ или малыхъ степеней сихъ прикосновеній можно бы вывесть заключеніе, отъ чего удовольствіе и досада такъ смѣжны. Можетъ быть осталось бы нѣсколько неприкосновенныхъ точекъ, которыя бы не чувствовали противнаго или пріятнаго.

Враз-

ВЪ разсужденіи духовнаго удовольствія можно удобнѣе найти причину, почему оное изгоняемо бываетЪ даже небольшою печалію. Наши удовольствія, произходящія отЪ какого-нибудь предмѣта, не всегда способны совершенно загладить всѣ слѣды и страхи, которые прежде впечатлѣла досада; и естьли, при наслажденіи настоящимЪ удовольствіемЪ, посирѣчается забота о будущемЪ злѣ: то при семЪ случаѣ сокрушеніе души можетЪ быть весьма естественно. Пьяный не чувствуетЪ досады во время своего головокруженія. Но то пьяный, которому наипаче должно приписать безчувственный сонЪ, нежели доброе чувствованіе. Печаль мудраго и спокойная задумчивость, простирающаяся иногда до благороднѣйшаго пьянства его удо-

вольствія, столь же изящна, какъ слезы восхищенной матери, при рожденіи ея младенца.

Тѣлесные соки великое дѣлаютъ возмущеніе противъ удовольствія и досады, и можетъ быть суть первые источники сего смѣшенія. Ударъ, и другое положеніе, въ которое они приводятся, напослѣдокъ бываетъ имъ несносно. И такъ приходятъ они опять въ прежнее положеніе.——Естьли бы сторона, съ которой каждый смотритъ на свѣтъ, не столь была разстроена; естьли бы наша душа меньше имѣла въ ея ограниченности препятствій, дабы проникали предмѣты въ сердце: то можно бы заключить, что удовольствіе ея стольже содѣлалось чисто, какъ досада не смѣшанна.

Мы

Мы не можемъ имѣть ни въ высочайшей степени удовольствія, ни досады. И то и другое зависитъ отъ нравственнаго нашего состоянія. Первое было бы награжденіемъ высочайшей добродѣтели, а другое наказаніемъ совершеннѣйшей злобы. Мы по своей ограниченности не достигаемъ ни до столь превосходной степени добродѣтели, ни злобы. Величайшее чувствованіе противности и пріятности привело бы все строеніе нашей машины въ состояніе разрушенія. И такъ къ щастію всегда находимъ мы при высочайшемъ удовольствіи пустыя и порожжія мѣста; а при досадѣ скрытные золотые родники надежды и стоицизма, которые по крайней мѣрѣ нѣсколько дѣлаютъ намъ нечувствительною колику.

Великое удовольствіе, говоритъ Монтанье, больше равновѣсно, не увеселительно и пріятно. Часто воздыхаютъ приономъ, зная, что оно непродолжительно. Истинный христіанинъ, когда обьемлетъ его восторгъ вѣры, скрываетъ сіи чувствованія въ сердцѣ своемъ. Сіе происходитъ отъ подобострастія, которое раждается отъ превосходныхъ предмѣтовъ, и которое Стихотворецъ весьма собственно называетъ зрителемъ всеприсутствія.

Досада сохраняетъ здравіе разума, и оказываетъ ему больше услугъ, нежели удовольствія. Надобно иногда, пришедши въ необычайную радость, вдругъ представить печальный предмѣтъ, дабы вкусъ радости освѣжить пріятною кислотою, которая столь же нра-

вится душѣ, какъ желудку при пищѣ.

Удовольствіе часто произтекаетъ изъ столь же мутныхъ источниковъ, какъ и досада; и орудія, для отдаленія перьваго, достаточны были бы также обезсилить наши чувствованія во время последней. Естьли духъ вкушаетъ радость: то чувствованія его тогда столь же постоянны и тверды, какъ когда онъ бываетъ печаленъ. Мудрый лучше понесетъ тѣлесную болѣзнь, нежели раны души, при нападеніи на его честь и добродѣтель. Но въ разсужденіи удовольствія онъ охотно предпочтетъ духовное тѣлесному. Простый народъ токмо въ томъ антиподъ.

Люди съ охотою принимаютъ участіе въ удовольствіи ихъ ближняго: но не уповательно, чтобъ

они изъ любопытства стали пробовать также досаду. Спрашиваютъ мысленно себя: что будемъ мы чувствовать во время нещастія, и почему, видя слезы другихъ, часто плачемъ не съ такимъ прискорбіемъ, какъ при собственномъ злополучіи?

Мы уважаемъ добродѣтель, терпѣніе и людкость мудраго, когда позволяемъ ему цѣнить нашу досаду; но когда подаемъ случай, сверьхъ его чаянія пробовать наше удовольствіе: то уважаемъ собственную добродѣтель, и увеличиваемъ духъ.

Радость больше содѣлала нещастныхъ, нежели печаль, и удобнѣе отъ радости учиниться глупымъ, нежели отъ печали умереть.

Великіе люди не прежде бываютъ смѣшными, какъ по открытіи

тіи намъ своихъ околичностей во время досады или удовольствія. Когда они подобно дѣтямъ веселятся или печалятся: то сіе есть отпрыскъ низкихъ чувствованій, сродныхъ простому народу. Пріятная улыбка и двѣ слезинки выроняемыя героемъ плѣняютъ его. Ничего болѣе не можно въ немъ примѣтить. Мудрый лучше можетъ сокрыть свою досаду, нежели удовольствіе. Простой народъ не можетъ ни того ни другаго.

Въ вѣрѣ надлежитъ также быть удовольствіямъ; поелику она есть вѣра благополучія. Она должна быть цѣлебною травою, для болѣзней разума и жизни; а когда сама причиняетъ оныя: то сладость ихъ драгоцѣннѣе восторговъ земныхъ удовольствій.

Величайшее удовольствіе, говоритъ одинъ Англичанинъ, должно быть скромно и непримѣтно, такъ какъ удовольствіе нашего здравія. Когда мы чувствуемъ, что здоровы: то хотя ощущаемъ нѣчто, но нѣтъ ни шума, ни чувственнаго воскипѣнія. Почти таковы же суть и чувствованія вѣры.

Отчасти имѣть чувствованіе совершенствъ Божества; упованіе на Провидѣніе; наблюденіе того, чтобъ учиниться совершеннѣйшимъ въ должностяхъ добродѣтели, и надежда будущей жизни суть чистѣйшіе источники, изъ которыхъ почерпаются удовольствія вѣры.

Какъ удовольствіе противуполагается досадѣ: такъ надежда содержится къ страху. Сіи двѣ страсти суть плодоноснѣйшія матери

тери первыхЪ оныхЪ чувствованій. Настоящая печаль намЪ гораздо чувствительнѢе; а настоящее удовольствіе не такЪ долго вкушаемЪ сЪ пріятностію, какЪ простое представленіе будущаго.

Между-тѢмЪ страхЪ и надежда суть два благодѢянія естества нашего. Сія побуждаетЪ насЪ кЪ дѢиствіямЪ и великимЪ подвигамЪ; а оный погашаетЪ чрезмѢрный пламень, посредствомЪ печальныхЪ представленій. Они подобны дню, вЪ который солнце то проникаетЪ сквозь облаковЪ, то опять скрывается.

Я почитаю того щастливымЪ человѢкомЪ, который знаетЪ участіе, которое имѢетЪ онЪ вЪ страхѢ и надеждѢ, содержать вЪ равновѢсіи. Весьма хорошо прогуливаться иногда вЪ пасмурную погоду.

Должно воспоминать пріятнѣйшіе дни; и вкусъ нашъ въ щастіи непремѣнно долженъ растворенъ быть нещастіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 17.

ЧЕСТОЛЮБІЕ.

Аллегорическая повѣсть.

Въ срединѣ одного лѣса, въ мѣстѣ убѣжища, гдѣ спокойствіе и миръ господствовали, жилъ Филемонъ. Угрызающщія заботы, печаль и терзанія совѣсти страшились проникнуть въ его жилище; честолюбіе токмо надѣялось когданибудь туда вкрасться.

Возлюбленный Богами Филемонъ приносилъ имъ чистую жертву, возлагая на олтарь въ знакъ своей

своей благодарности за ихъ благодѣянія иногда агнца, иногда овна. Земля покорствующая его трудолюбивымъ рукамъ, производила въ изобиліи все нужное для его пропитанія. Онъ убѣгалъ шума городовъ, и посѣщалъ оные только кой-когда, не съ другимъ какимъ намѣреніемъ, какъ для промѣна носимыхъ имъ туда плодовъ на сѣмена всякаго рода, кои употреблялъ онъ на укрѣпленіе полей.

Когда ни возвращался онъ съ сего краткаго пути въ домъ, всегда шалашъ его казался ему драгоцѣннѣе прежняго. Гебеновое дерево, мамонтъ и позолота, которыя украшаютъ домы великихъ людей, не блистали, какъ легко догадаться можно, въ жилищѣ нашего философа. Единая природа взяла на свой коштъ всѣ домашніе

уборы;

уборы, и посвятила себя на укрѣпленіе онаго.

Двойный слой одушевленной зелени скрывалъ жилище его отъ взоровъ путешествующихъ. Прозрачный ручей истощалъ для него свою воду, и обвивался около его шалаша. Сію воду пилъ Филемонъ, и поливалъ оною также свои цвѣты.

Онъ, не имѣя ложныхъ друзей, вѣроломныхъ любовницъ и прислужниковъ, жилъ щастливо. Сердце его дотолѣ было свободно отъ страстей. Боги наградили благочестіе его сими дарами. Но ревность его начинала простывать. Съ того мгновенія казалось ему, что онъ единообразную препровождаетъ жизнь. Онъ жаловался на свою судьбу.

Изобиліе всегда болѣе и болѣе его плѣняло; открылось пространное

поле

поле желаніямъ; наконецъ честолюбіе проникло туда, куда оно еще никогда не находило входа. Какъ скоро укоренилось оно въ сердцѣ Филемоновомъ: то наполнило его весьма суетными намѣреніями. Филемонъ весьма скоро примѣтилъ печальныя дѣиствія онаго. Разгнѣванные Боги удалились отъ шалаша его; жажда богатства мучила, и честолюбіе побудило его просить Боговъ, чтобъ они неопровергаемымъ чертежамъ щастія его нииспослали благодать и благословеніе.

Филемонъ издавна приносилъ жертвы. Но тутъ жертвовалъ имъ гораздо съ большею ревностію противъ прежняго. Жертвенники орошались кровію отборнаго скота изъ его стада.

Нѣкогда въ глупости своихъ мыслей умолялъ онъ Боговъ, чтобъ

они

они ручей, протекавшій мимо шалаша его, превратили въ великую рѣку; а челнокъ, пущенный имъ на воду, въ богатонагруженный корабль. Вдругъ громовый ударъ послѣдовалъ за его прошеніемъ. Онъ почелъ сіе хорошимъ предзнаменованіемъ; и твердо надѣясь, что небо принимаетъ великое участіе въ предположеніяхъ его, сѣлъ съ отважностію въ свой челнокъ, и ожидалъ, когда готовилась ему месть, съ величайшею безопасностію исполненія своего желанія. Когда наступило то мгновеніе, въ которое Филемонъ по своему мнѣнію долженствовалъ выслушанъ быть, честолюбіе довершило нещастіе легковѣрнаго ея послѣдователя.

Вдругъ ручей удивительно воскипѣлъ; рѣки низпадающія изъ около лежащихъ горъ смѣшали его

съ своею пѣнящеюся водою; открылась новая рѣка, и увлекла много съ собою земли. Челнокъ превращенный чудеснымъ образомъ въ корабль былъ поднятъ волнами и стремительно понесся. Хотя Филемонъ въ сіе мгновеніе почиталъ себя щастливымъ: [ибо корабль, въ коемъ онъ плылъ, былъ нагруженъ драгоцѣннѣйшими сокровищами;] однако весьма было ему чувствительно, когда издали увидѣлъ погибель своего шалаша, въ коемъ болѣе двапцати лѣтъ препровождалъ прекрасные и щастливые дни.

По впаденіи рѣки въ море, Филемонъ и корабль его находились также на открытомъ. Лишь только потерялъ онъ совершенно изъ вида землю: то опять, пришедъ отъ изступленія въ самаго себя, вспо-

вспомнилъ, что позабылъ просить Боговъ, чтобъ они также благополучно доставили корабль его въ пристань. Но то было уже поздо; онъ тщетно призывалъ Боговъ, бывшихъ до толѣ его покровителями: ибо привлекъ ихъ на себя гнѣвъ.

Море восколебалось; волны пѣнились; ужасная буря напала на корабль со всѣхъ сторонъ; ярящійся валъ ударилъ оный объ одинъ подводный камень; корабль прошибло: и такъ вскорѣ потомъ со всѣми богатствами, которыми онъ нагруженъ былъ, поглощенъ моремъ.

Филемонъ, по долгомъ сраженіи съ сею страшною стихіею, истощившись въ силахъ, былъ выброшенъ на необитаемый берегъ. Прежде нежели испустилъ духъ, при-

признался онъ, что за безразсудное желаніе тысящекратно заслужилъ сію поносною смерть.

Препоручимъ нашу судьбу благому Провидѣнію. Ахъ! человѣкъ гораздо любезнѣе ему, нежели самому себѣ. Естьли благоразуміе не будетъ управлять нашими желаніями: то надлежитъ намъ спасаться, учиниться подобно Филемону жертвою ихъ безразсудности.

ОТДѢЛЕНІЕ 18.

Сила вѣры.

Когда Калифъ Гуссейнъ, сынъ великаго Али, сидѣлъ за столомъ: то одинъ невольникъ уронилъ блюдо съ горячимъ Сарачинскимъ пшеномъ ему на голову. Гуссейнъ ки-

нулЪ на него гнѣвный взорЪ, невольникЪ затрепеталЪ, повергся на землю, и говорилЪ изЪ Алкорана слѣдующія слова: „Рай приготовленЪ для тѣхЪ, которые удерживаютЪ и укрощаютЪ свой гнѣвЪ.

ГуссейнЪ отвѣчаетЪ сЪ холоднымЪ видомЪ.

„Я не гнѣваюсь.

НевольникЪ, который продолжаетЪ изЪ Алкорана:

„И которые прощаютЪ ихЪ обидѣвшихЪ.

ГуссейнЪ не смотря на него:

„Я тебѣ прощаю.

НевольникЪ, который всегда прибавляетЪ по стишку:

„И БогЪ чрезмѣрно любитЪ тѣхЪ, которые за зло платятЪ добромЪ.

ГуссейнЪ, подавая ему ласково руку:

„Все это хорошо. Встань! Я дарю тебѣ вольность и 400 драхмъ серебра.

При сихъ словахъ невольникъ тысящекратно благодарилъ добродѣтельнаго Калифа.

Государь мой! вскричалъ онъ потомъ, ты подобенъ дереву, имѣющему множество листьевъ и плодовъ; оно служитъ своею тѣнью и плодами даже тому, котораго безразсудная рука бросаетъ въ него камнями.

ОТДѢЛЕНІЕ 19.

Присутствіе духа.

Правосудный Боже! Естьли ты позволяешь тираннамъ наслаждаться душевнымъ спокойствіемъ; то

какое имѣютъ предъ нами преимущество добрые государи?

Гегіагъ, который по своей неслыханной жестокости былъ отвращеніемъ и ужасомъ народовъ, ходилъ весьма спокойно безо всякой свиты съ однимъ токмо человѣкомъ по великой степи Аравійской. Встрѣтившись съ однимъ Аравитяниномъ, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и между прочимъ здѣлалъ ему вопросъ:

Другъ мой! не можешь ли мнѣ сказать, какой человѣкъ Гегіагъ, о коемъ говорятъ столь много?

Аравитянинъ.

Гегіагъ не человѣкъ, но Тигръ, чудовище.

Гегіагъ.

Что жъ его таковымъ содѣлываетъ?

Аравитянинъ.

Множество пороковъ. Онъ больше милліона своихъ подданныхъ пролилъ крови.

Гегіагъ.

Не уже ли ты еще никогда его не видывалъ?

Аравитянинъ.

Нѣтъ.

Гегіагъ.

Такъ смотри на меня прямо, и знай, что я самой Гегіагъ.

Аравитянинъ безъ малѣйшаго изумленія смотритъ на него пристально и го:оритъ грубо:

А ты, ты знаешь ли также, кто я?

Гегіагъ.

Нѣтъ.

Аравитянинъ.

Я изъ рода Цобаировъ; извѣстно, что каждый произходящій изъ онаго одинъ день въ году бываетъ глупъ. И такъ нынѣ есть мой глупый день.

Ге-

Гегіагъ простилъ ему. Присутствіемъ духа можно освободиться отъ великой крайности; поелику оно даже Гегіага побудило простить Аравитянину.

ОТДѢЛЕНІЕ 20.

Дамонъ и Зелинда.

ОДА.

Когда молчаніе и ночь господствовали на землѣ, и когда тихій сонъ остановилъ безпокойныя заботы прошедшаго дня: въ то время предстала тѣнь Зелинды ложу Дамонову.

Взоры ея изображали печаль, и лице уподоблялось тѣмъ скучнымъ днямъ, когда небо закрыто со всѣхъ сторонъ тѣсными облаками.

Она хладною рукою, бѣлизною подобную снѣгу, держала покрывало мертвыхъ. Таковое одѣяніе должны носить короли, когда по низверженіи съ престола обѣщана имъ смерть.

Млада и прекрасна, какъ цвѣтъ, который въ перьвый разъ распускается при слезахъ Авроры, имѣла Зелинда всѣ прелести юношества и красоту. *Лилеи* и розы смѣшивали на лицѣ ея свои блестящія краски.

Но вдругъ сей блескъ потемнѣлъ; розы ланитъ ея увяли; пламень блистающій изъ очей ея погасъ, и она скончалась во время весны лѣтъ ея, яко закалаемая жертва нещастной любви.

Возлюбленный! говорила она Дамону, знаешь ли ты еще меня? Я востаю изъ могилы, гдѣ твой до-

стойный

стойный образъ всегда преслѣдуетъ меня. Жестокій! я по крайней мѣрѣ заслуживаю твое сожалѣніе.

Самая могила возымѣла надо мною сострадание. Она изъ любви ко мнѣ отверзлась. — Выслушай меня! Ибо часъ сей назначенъ для жалобъ осужденныхъ тѣней.

Вспомни, Дамонъ, вспомни тѣ клятвы, коими сопровождалъ ты увѣренія своей вѣрности. Ты нарушилъ сіи клятвы; и я также боюсь, чтобъ моя обязанность не осталась на всегда.

Скажи о томъ мнѣ откровенно, и возьми назадъ свое обѣщаніе. Лстивая моя надежда обманулась. Неблагодарный! Сіи глаза, въ чемъ повидимому искалъ ты своего щастія, ты осудилъ проливать слезы.

Для чего хвалилЪ ты во мнѢ пріятности, которыя не трогали тебя? ВЪ ту самую минуту, когда дарила я тебѢ мое сердце, учинилось оное для тебя равновѢсно.

Тогда уста мои престали быть для тебя подобны Киноварю. Было время, когда находилЪ ты ихЪ таковыми; и я вЪ томЪ повѢрила тебѢ.

НевѢрность твоя низринула меня вЪ царство мертвыхЪ. ВзорЪ мой покрытыи густымЪ мракомЪ, не познаетЪ болѢе предмѢтовЪ украшающихЪ свѢтЪ.

СнѢдающія черви мнѢ сотовариществуютЪ; сіе худое покрывало служитЪ мнѢ одеждою, и мнѢ надлежитЪ препроводить много долгихЪ ночей, прежде нежели наступитЪ день освобожденія моего.

Но — что я слышу? — Крикъ пѣтуховъ напоминаетъ мнѣ, что время проститься съ тобою надолго Однако пріиди, любезный Дамонъ, и навѣсти хотя однажды мѣсто заключающее остатки той, которая изъ любви къ тебѣ скончалась.

Едва птицы своимъ концертомъ возвѣстили скорое возвращеніе того свѣтила, которое опять послѣ ночи доставляетъ намъ день; Дамонъ, жестоко терзаемый страхомъ и совѣстію, вскакиваетъ съ ложа.

Онъ бѣжитъ безъ отдыха на мѣсто, гдѣ лежало тѣло нѣжной Зелинды, и повергся на могилѣ сей вѣрной и нещастной любовницы.

Трижды зоветъ онъ Зелинду по имени, и трижды прерывался голосъ

голосѣ его отѣ запинаній. Нѣсколько постоявѣ, припалѣ онѣ своими онѣмелыми устами кѣ землѣ орошенной его слезами, изпустилѣ глубокіе вздохи, и скончался.

КОНЕЦЪ.

